

Военные
Приключения

КРЫМСКИЙ ЩИТ

Ю.ИВАНУЧЕНКО **В.ДЕМЧЕНКО**

Военные приключения

Юрий Ивановиченко

Крымский щит

«ВЕЧЕ»

2010

Иваниченко Ю. Я.

Крымский щит / Ю. Я. Иваниченко — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Военные приключения)

«Крымский щит» – так называлась награда, которую получали воины вермахта, наиболее отличившиеся при завоевании далёкого от Германии полуострова. Но, обуреваемые мечтами о близком триумфе, они не подозревали, что невысокие горы Крыма укроют отряды бесстрашных и беспощадных народных мстителей, что Сергей Хачариди, Арсений Малахов, Шурале Сабаев и их боевые соратники сделают всё, чтобы защитить своё Отечество от алчной фашистской стаи...

Содержание

Пролог	5
У своих	9
Откуда ты, парень, где дом твой, скажи...	14
Два года назад	16
Кевсер	18
Третье чувство	23
Не отступать и не сдаваться	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ю.Я. Иванченко, В.И. Демченко

Крымский Щит

*Партизану-герою
Владимиру Сергеевичу Якименко
и его боевым друзьям
посвящается*

Пролог

Уже не помню, рассказывал ли я, как всё начиналось? И как я впервые увидел тебя и тогда же понял, что ты теперь для меня, для всех нас – самый главный.

Сразу понял...

...Мы же тогда на этой проклятой фашистской каторге, в «трудлагере» по заготовке леса, если и живы были, так потому только, что всем – по пятнадцать-шестнадцать лет, и ещё мы не понимали... нет, скорее не принимали по-настоящему понимание, что замучают нас там до смерти. Смерть уже видели мы по много раз, близкую и отдалённую, друзей и врагов, уже вроде бы умом понимали, что скоро, а то и в любой момент может дойти очередь до каждого из нас, но все же не принимали, что этой каторги никому из нас не пережить. Потому и осматривались, принаравливались, искали какие-то пути к выживанию, хотя полагали, что – к спасению.

«Колючка» вокруг лагеря была хоть и в два ряда и высокая, но не под током: только пустые консервные банки висели на ней да брякали от ветра; а однажды они вызвали переполох со стрельбой – совершенно непонятно зачем сунулся ночью в лагерь шакал, звякнул-брякнул, ну и получил пулемётную очередь с вышки. Огорчительно меткую.

Но мы, как чуточку осмотрелись, смогли в уголке лагеря за нашим баракком чуточку подкопать, устроить пролаз, осторожно придерживать банки и выбираться на вольный промысел, потому что выкручивало с голодухи так, что хоть землю грызи. А неподалеку – не больше получаса ходьбы от лагеря, сразу же за ближними горушками, – по лесным полянам были разбросаны небольшие сады и огороды, а ещё чуть поодаль – и сёла.

В сёла мы не совались (о том, что там делают с беглыми, мы уже слышались, хоть и не всё – как всякое «всё» – оказалось правдой), а вот на огородиках и в чаирах паслись и с собою набирали, для тех, кто оставался лагере. Всё вместе отнимало часа два, или чуть больше – так что мы всегда возвращались до ночной побудки-переклички, до которой охоч был герр сволочь проклятая гауптман Лемке.

Уйти и не вернуться мы ещё не решались. Мы же все с Кубани были, места эти ни черта не знали, а вот что за побег причиталось – знали хорошо.

Тем вечером всё шло, как обычно. Мы впятером выбрались незамеченными, проползли метров сто, не поднимая голов, и только когда уже почувствовали, что никак нас не заметят, побежали вверх по склону. На гребне горушки ещё раз сориентировались, прошли мелколесьем и вскоре забрались в большой сад. Залезли на деревья и принялись рвать: кто красивые и словно воском обмазанные яблоки, кто очень тёмные, красно-коричневые груши. Ну и лопали, конечно, – торопливо и жадно.

И тут донесся неразборчивый говор, затем настойчиво и требовательно, с татарским акцентом:

– Стой! Стой на месте!

С дерева видно было, как к Саше – он как раз был внизу, – подходил невысокого роста, плотный татарин в тюбетейке, подпоясанный кушаком, с фигурным восточным топором за поясом. Размахивая крепко зажатым бичом, он наступал на паренька и орал:

– Воруешь, свинья русская? Это мой сад! Немцы вернули нам то, что вы, русские Советы, забрали! Вон отсюда! Я вам дам! – и татарин хлестнул арапником.

Но Саша увернулся, и плетью просвистела, не задев его.

Мы переглянулись молча, стали быстро спускаться с деревьев, понимая, чем может кончиться такая история, и вмиг оказались перед татаринном.

Тот попятился, вода расширенными глазами.

Вдруг где-то хлестко треснул выстрел, и эхо несколько раз повторило его.

Татарин вмиг оживился:

– Ага-а! Так вас здесь куча! Грабите, значит?! Кто вы такие? Айда со мной! Мы вам покажем! – он угрожал, потрясая арапником и, кидаясь то к одному, то к другому, орал: – Айда к старосте! Кто вы? Вы партизаны, да, – и он повернулся в сторону селения, сложил ладони рупором и стал звать: – У-у-у! Скорее, на помощь! – и ещё кричать что-то по-татарски.

В ответ завопил ишак, залаяли собаки, загалдели люди, и всё это десятью голосами повторило эхо. А татарин всё орал и орал.

Просто бежать было уже поздно. Надо что-то немедленно предпринимать, иначе всё пропало. Мы молча, лихорадочно раздумывали...

Вдруг за спиной татарина появился незнакомый парень.

Ты.

Без единого звука ты выдернул из-за кушака татарина остро наточенный топорик и, коротко размахнувшись, рубанул по тюбетейке так, что надвое развалил ему голову. Лезвие вьелось в позвоночник.

Наверное, ты не ожидал, что топорик застрянет, и почему-то не выпускал рукоятку, – дёрнул раз, другой, но не смог выдернуть. Тогда ты отпустил рукоятку и отскочил, и труп рухнул вместе с топором.

Ты посмотрел на нас, всех пятерых, покачал головой и сказал:

– Вот гад! Ему ведь по-русски говорили: отстань, уходи своей дорогой, так ведь не послушался... Хозяином хотел быть. Грозил: «Я вам дам». Вот и дал, холуй фашистский. Предатель.

– Что же теперь будет? – спросил Саша.

– Вы из лагеря? – вопросом на вопрос ответил ты, ещё раз оглядывая нас с ног до головы.

Мы все молча кивнули.

– Похоже, – подтвердил ты и чуть усмехнулся.

– Своим ребятам фрукты нарвали, – сказал Егорка, показывая на рубашку с завязанными подолом и рукавами, в неё мы совали яблоки и груши. – Они нас ждут.

– Вот что, если вернётесь туда – смотрите, чтоб ни огрызка, ни косточки охранники не нашли. Этого, – и ты пнул сапогом труп, – до утра, может, и не хватятся, а потом будут вас шмонать.

– А вы партизан? – спросил я почему-то на «вы».

– И как ты догадался? – улыбнулся ты.

– Мы хотим бежать! – почти выкрикнул я. – Но не знаем, где партизаны.

– Этого вам знать и не положено. А если сбежите – дня через три, ладно? – идите вон к той горе и ждите. – И указал на гору с приметным одиноким деревом на вершине. До неё было, примерно, километров пять. – И татарам на глаза не попадайтесь.

– А если... – начал я, с ужасом представляя, что всё может случиться, и этого взрослого и какого-то надёжного парня там не окажется...

– Кто-нибудь придёт... К вечеру. И тогда скажете ему, что Сергей вас позвал. Всё, расходимся.

Миг – и ты растворился во вроде бы негустом чаире.

– Ну, айда! – выдохнул Саша, и мы, схватив узлы, побежали к лагерю.

...И вот через два дня, вскоре после вечерней переключки, мы сбежали. Всемером – к нашей пятерке присоединились ещё Толик и Щегол; мы им, кстати, совершенно ничего не говорили ни про встречу с тобой, ни про договоренность, а они как будто всё точно знали.

Сначала шли в темноте, пока не поняли, что от лагеря уже далеко, а мы вроде как заблудились. Тогда решили дождаться рассвета, сбились в кучку в какой-то ямке среди леса и сразу уснули.

Утром поняли – ушли далеко в сторону. Хорошо хоть разглядели вдальке приметную гору с деревом на вершине и пошли к ней.

Идти оказалось трудно. Несколько раз останавливались, отдохнуть и перекусить. Чем? Да по пути набрали на маленький и уже почти обнесённый кем-то чаир, нарвали яблочек и груш, сколько там оставалось. Оказалось, немного – по паре на брата.

Всё время прислушивались, но выстрелов и взрывов не было слышно. Только временами приносило эхо слабый собачий лай и голоса скотины, да издали, откуда-то с востока, из-за синеющих дальних гор и будто нарисованного Чатырдага (его-то мы уже знали, да и спустать такой было просто не с чем) доносился слабый пульсирующий гул, будто стучало грозное сердце войны.

И ещё казалось несколько раз, что нас видят, что на нас смотрят, но кто и откуда – непонятно. Так оно, наверное, и было – места здесь, как мы уже сами успели убедиться, не самые дикие, – но вреда вроде бы от этих невидимых соглядатаев не случилось.

А потом наткнулись на село, и так, что вроде уже и уходить было поздно. Целое приключение получилось. И выбрались оттуда только через два часа.

Не помню, рассказывали мы, что там и как там было в этом селе?.. Ладно, при случае вспомню. Жаль, расспросить не у кого.

...На третьем привале после того, как ушли из села, уже недалеко от «нашей» горы, остановились у родничка, заботливо благоустроенного какой-то доброй душой.

Тонкая струйка воды выбивалась из трещины в скале и с чуть слышным звоном сбегала в обложенную камушками чашу литров на пять. Вода прохладная и вкусная; пили сначала все вместе, черпая кто чем из чаши, а потом по очереди, кто сколько хотел.

Затем набрали воды в обе фляжки, взятые в селе из татарской казармы, и гуськом начали карабкаться по едва заметной тропе.

Уже темнело, когда остановились ещё раз: совсем сбилось дыхание на подъёме. И в темноте, чуть рассеянной искорками звёзд, оскользаясь и падая, выбрались к вершине.

– Сергей, мы пришли! – негромко крикнул я в звёздную темень.

– Будто я не слышу, – отозвался негромко голос за спиной. – И орать не надо.

Предупреждение было своевременным. Ребята не орали, но каждому хотелось сказать хоть несколько слов. Это было, наверное, общее чувство – радость и облегчение, будто не с одним-единственным партизаном встретились, а вышли в расположение могучей армии, которая защитит от любого врага, от любой опасности.

Минут через двадцать, когда эмоции немного поулеглись, ты спросил:

– Местность хорошо знаете?

За всех семерых ответил Саша:

– Оттуда? Мы ж с Кубани. Нас немцы угнали...

Мы, остальные, тут же добавили несколько слов и выражений в адрес немцев.

– Ладно, – перебил ты. – Успеете ещё рассказать, что да как. Если живыми до отряда доберёмся... Меня, кстати, Сергеем звать. Хачариди. Не переименовывайте, не люблю. А вас как?

– ...Так отряд далеко? – спросили мы, чуть ли не в один голос, сразу после того, как назвали свои имена.

– Напрямик – не очень, только напрямик нам нельзя. А до ночёвки дойдём за час, хоть ходоки из вас, вижу, паршивые.

– А здесь разве нельзя переночевать? – спросил Павлик.

– На голой вершине? – изумился ты. Но распространяться не стал. Просто скомандовал: – За мной! – и начал уверенно, будто всё видел в темноте, спускаться по восточному склону.

Через некоторое время выплыла на небо половинка луны и стало легче пробираться по горному лесу. Я старался держаться поближе к тебе и как можно меньше шуметь. Вскоре – шагов через двести, – ты приостановился, подождал, пока все подтянутся поближе, и предупредил:

– Сейчас будьте осторожны, идите след в след. Справа – обрыв, кто сорвётся – костей не соберёт, но придётся идти по краю, другой дорожки нет.

Теперь мы шли намного медленнее и осторожнее. А из чёрного провала справа тянуло – или это чудилось? – могильным холодом.

А ещё раздался скрипучий вой и кашляющий лай парочки шакалов откуда-то из темноты.

– Жратву чувят, – отозвался ты со смешком. – Только вряд ли им что обломится.

Еле различимая тропа отвернула от обрыва. Вскоре нам пришлось спускаться, хватаясь за кусты и стволы деревьев; тут уже без шума не обошлось, и ты пару раз цыкнул: тихо, мол.

И сразу же после этого нас окликнули.

– Серёга?

– А то. И с пополнением.

...И был костерок в неглубокой пещере, изумительный запах и вкус жареного мяса, хоть и досталось каждому из нас совсем понемногу, и двое партизан, наверное, настоящих, с оружием, которые представились как Шурале и дядя Митя.

И это был первый наш вечер и первая ночь в партизанской семье...

У своих

– ...То есть все как на подбор казачата кубанские. А в наши края как попали? – спросил Сергей.

Ребята загалдели наперебой.

– Да не все сразу, – оборвал Хачариди. – Вот ты рассказывай, – обратился он к Володе. – Можешь прямо с начала.

– Да я про всех рассказывать не могу, – отозвался Володя, поворачиваясь другим боком к угольям костра. – Нас со станицы наловили девятнадцать душ и увезли раньше, а я тогда сбежал, прятался, да снова попался. С ними, – он кивнул на остальных ребят, – только на переправе и познакомился.

– Мы тут из четырёх станиц, – подтвердил Толик.

– И как вас везли? – спросил дядя Митя.

Володя начал рассказывать.

Наш катер, остроносая, низко сидящая посудина с двумя пулемётами, на баке и на корме, отошёл от причала сразу после полудня. Полтора десятка немцев, солдаты и офицеры, десяток их раненых да несколько немолодых штатских в замасленных спецовках. И мы, полсотни ребят, собранных из разных станиц и хуторов.

Большинство наших со слезами на глазах смотрели, как дрогнул и начал удаляться родной берег. Но смотреть довелось недолго: немцы загнали нас в трюм, а на палубе разместили раненых солдат. Мне досталось место прямо под трапом; отсюда я видел, как над входом в трюм стоял высокий и худой священник, широко расставив ноги. Наперсный крест раскачивался, свалывшаяся борода клочьями спадала на подрясник, серые от проседи космы лежали на плечах. Второй крест он, как защиту, держал над головой. По бокам, прикрывая выход из трюма, стояли два унтера с автоматами.

Едва катер отошёл от причала, началась болтанка. Волны достигали палубы, солёные брызги начали залетать даже к нам. И вдруг – оказывается, катер уже вышел в открытое море, – нас выгнали из трюма на палубу, а сами немцы, исключая раненых, попрятались.

Все ребята задрали головы к небу, а там появились краснозвёздные самолёты. Шесть двухмоторных бомбардировщиков; раньше я не видел таких...

– А я вот всё хотел спросить, – подал голос Егорка. – А чего нас вообще в Крым повезли?

– Ну, как же, кто ж им ещё, гадам, брёвна рубить да тесать будет, – невесело протянул едва видимый в темноте Щегол.

– Что ж ты у немцев не спросил? – хмыкнул вислоусый мужик в кепке, который представился при знакомстве как дядя Митя. – Они бы тебе всё и рассказали, про свою стратегию с тахтикой.

Он нарочно коверкал слова.

– Как же, спросишь у них... – протянул Егорка.

– Да здесь фокус простой, – сказал Сергей Хачариди. – Отправляют рабов морем, так дешевле, а ближайший спокойный для них порт – Севастополь. На той стороне у них с транспортом жидко – там и наш флот близко, и авиация, а до Одессы везти крюк какой: больше затрат, чем навару. Так говоришь, наши бомбовозы налетели?

– Ну да. Только какие-то не такие, не как СБ, которые над станицей пролетали...

– Наверное, английские, «Бостоны». Давай дальше.

Началась бомбёжка, а со всех кораблей и катеров (их в проливе было немало, в том числе быстроходные десантные баржи, сторожевые и торпедные катера) открыли зенитный огонь. Зеленоватые и голубые дымные трассы тянулись к самолётам, вспухали и рассеивались грязно-дымные облачка снарядных разрывов, но лётчики буквально утюжили пролив, отыскивая цели.

– Машите руками, свиньи! – крикнул на ломаном русском офицер и резанул из автомата поверх наших голов.

На других кораблях и катерах, которых было много в море, русских, где они были, тоже заставляли размахивать руками, чтобы видели с самолетов.

Но лётчики, похоже, с этим не считались. Белые столбы воды поднимались по курсу и у бортов. Вот два столба воды взметнулись недалеко от нашего катера. От взрывов корпус словно дважды сжало и тут же распрямило. Глухо и тяжело ударило в борта, брызги окатили палубу, но, наверное, осколки ушли вверх, а корпус хоть прогнулся и заскрипел, но уцелел.

На несколько секунд мы замолчали (а до этого, не сговариваясь, кричали что-то вроде «Давай», «Лупи», «Так им, гадам») – и в это время бомба угодила в соседний катер. Вспышка и взрыв, не глухой, как при попадании в воду, а резкий и громкий, чёрное облако, – и вот лишь обломки, да пара пустых спасательных кругов и какая-то плавучая мелочь колыхались на волнах.

– Да, то всё орали, а тут дышалку перехватило... – подтвердил и Саша.

– Ещё бы, – кивнул Хачариди. – Давай, рассказывай дальше.

Наконец пулеметы и зенитки замолчали: самолёты, все шесть, ушли на восток. Поодаль горела, но пока что вроде не тонула, большая самоходная баржа, в которую тоже угодила бомба. Ещё чуть дальше два немецких катера медленно кружили – наверное, кого-то подбирали из воды.

До Керченского причала наш катер дошёл благополучно. Прежде чем согнать нас на берег, с палубы убрали перепуганного, но живого священника. Он прикрывал крестом голову и не мог встать. Солдаты подняли его и почти на руках снесли по трапу вниз с катера.

– А зачем им поп, как ты думаешь? – спросил невидимый в темноте Шурале.

– А кто их поймет, – отозвался Сергей Хачариди. – Может, в какую-то их часть понадобился. У них же там, на полуострове, и словаки есть – а они вроде как православные. Всё, спать. Дядя Митя, ты первый на часах. Я сменю...

...Как мы спали в ту короткую ночь!

А утром – не знаю точно, во сколько, но солнце уже поднялось над горами, – нас разбудили. Сборы оказались недолгими: подобрали остатки еды, партизаны проверили оружие и пошли навстречу солнцу.

Какое-то время шли молча: ты впереди, следом мы и Шурале, дядя Митя – замыкающим.

Через полчаса, когда мы пробирались по длиннющему откоосу горы, ты спросил меня:

– И что там было в Керчи?

От причала до железнодорожных путей было недалеко, но сначала нас загнали за изгородь из колючей проволоки, и там мы прождали до утра. Когда солнце уже начало припекать и очень хотелось пить, охранники – кажется, татары (мы ещё не научились уверенно различать жителей Крыма), – погнали нас, как стадо, на платформу. Следом пригнали ещё несколько групп кубанских подростков, девчат и парней.

Скоро подошёл состав товарных вагонов, на которых было написано «Джанкой». Мы держались вместе и погрузились в один вагон, в котором ничего не было, никаких лавок и сидений. Пришлось садиться прямо на грязный пол, от которого шел тошнотворный запах гнили, дерьма и падали. Едва закончилась погрузка, – а места оказалось мало, сидеть пришлось впритык, – дверь закрыли и заперли. Дышать стало нечем от тяжелого запаха и жары. Кто-то заплакал, кто-то начал стучать кулаком в дверь, но из-за двери только прикрикнули с сильным и незнакомым акцентом, и – всё. Правда, скоро состав поехал, в щели, на ходу, полился свежий воздух, и стало немного легче.

– Вы, кстати, и сейчас не фиалками лесными благоухаете, – коротко хохотнул Сергей. – Надо вас по дороге искупать, как следует. На базе тоже не розарий, казарма, в общем, но уж не так, по-лагерному...

...И в самом деле, когда, обходя с юго-востока Бахчисарай, перебирались через совсем неширокую здесь Альму, Хачариди распорядился сделать привал и заставил ребят не только выкупаться, но и постирать всё своё тряпьё. Мыла, естественно, не было, потому стирали глиной – Сергей показал, где её можно наскрести.

Высохло всё по крымской сухой жаре быстро.

Здесь же, на привале, он спросил:

– Ну и как встретила вас земля крымская?

– Первую весточку от партизан мы получили, едва проехали станцию Семь Колодезей. Слышали про такую?

– Знаю, знаю, – перебил Володю Сергей Хачариди. – Это, кстати, мои родные места.

– Вот то ж то там партизан столько! – выдохнул Егорка, который уже смотрел на Сергея как на полубога.

– Скорее подпольщиков, – нахмурился Сергей. – В тех краях не сильно попартизанишь. Степь да степь кругом, а что было леса, то всё извели. Когда за Ак-Монайские позиции удержаться пытались...

– Разве что под землю прятаться, – добавил дядя Митя. – Аджимушкайцы, говорят, до сих пор держатся.

– На характере, – глухо бросил Хачариди.

И только спустя пять минут – пацаны уже одевались в свежевывстиранную свою, болтающуюся на исхудалых телах, истрёпанную одежонку, – продолжил:

– Герои, конечно. Я бы так не смог. Там же даже высунуться из катакомб нельзя, не то что воевать...

И без всякого перехода кивнул Володе:

– Рассказывай, что там дальше.

Наш товарняк резко затормозил и остановился. Перед паровозом, метров на пятьдесят, а может, и больше, – из окошка теплушки много не разглядишь, – были вздыблены рельсы, а под откосом ещё дымились обгорелые вагоны. Наверное, от взрыва прошло не больше часа. Но немцы уже спешно ремонтировали дорогу. Паровоз-кран поднимал вагоны и ставил их уже на проложенные рельсы, а другой паровоз оттягивал этот утиль вперед, по ходу эшелона.

– Действуют наши, – согласился Хачариди.

– Вы их знаете? – спросил, заглядывая Сергею в глаза, Толик.

– Я-то знаю там всех, да вам этого знать не надо. Всяко бывает... – невесело сообщил Сергей. – И можете мне не «выкаты». А то не по себе как-то. Давай, рассказывай.

А нам долго ещё было как-то не по себе обращаться «ты» и по имени. Да и казался ты совсем-совсем взрослым, хотя всей той разницы было пять-шесть лет. Не то, что по-настоящему немолодые Беседин и Руденко или совсем старики вроде Михеича...

Простояли мы около трёх часов, но долго смотреть на ремонтные работы не пришлось. Обозлённые немцы, заметив любопытных в окнах вагонов, хлестнули из автоматов. Несколько пуль просекли деревянную стенку вагона у потолка и саму крышу. Мы, конечно, мигом попали на пол и больше не высовывались, пока эшелон медленно не тронулся и тихо прошёл восстановленный участок.

В Джанкое стояли недолго, но там хоть попить дали...

А после Джанкоя поезд шёл, с остановками, всю ночь в почти непроглядной темноте. Когда рассвело, мы начали выглядывать в окна и высматривать в щели. Смотрим: слева – почти отвесная грязно-серая скала, а в верхней её части в странном хаосе застыли громадные каменные обломки. А справа расстилалась и уходила куда-то на запад бухта. В воде темнели останки разорванного взрывами корабля.

Вдоль вагонов изредка прохаживался патруль. Из соседнего вагона (там везли девушек) что-то спросили по-немецки, и солдат, на секунду вскинув голову в пилотке, ответил. Я понял: мы – в Инкермане.

– Это же рядом с Севастополем, – сказал тогда начитанный Саша.

– Наверное, нас теперь посадят на корабль и повезут морем... – предположил кто-то из ребят.

– Жди больше. Утопят вместе с вагонами в бухте, на съедение морским рыбам. Как это они умели делать и раньше делали с другими.

– Утопить могли и в Тамани. Чего столько везти... – сообразил Толик.

– Вот именно, – кивнул дядя Митя. Мы к тому времени выждали в придорожных кустах, пока проедет патруль, трое полицаев на бричке, и перебежали через дорогу. – А что дальше-то?

И действительно, топить нас не стали. Но и не перевозили никуда. Простояли трое суток, прислушиваясь к немецкой речи и нечастому перестуку колёс составов, проходящих мимо, в Севастополь и из города.

Никто не открывал наших раскалённых и смрадных вагонов, не кормил и не выпускал нас. Закончилась и вода. Подползала голодная смерть. Мы тихо лежали вповалку, как-то само собой прекратились все разговоры и лишние движения.

А на четвёртые сутки стали с грохотом открываться двери. В вагоны входили немцы в белых халатах, наброшенных на мундиры. Они быстро и как-то механически выявляли тех, кто уже не мог передвигаться, и делали им уколы. Ребята – таких оказалось восемь, – сразу же затихали; их вытаскивали из вагона и бросали, как дрова, на телегу.

Через час-полтора, обойдя все вагоны, белохалатники стали у тех, кто ещё мог свободно передвигаться, брать кровь из вен. Высасывали шприцами и затем переливали в стеклянные ёмкости. Ребята слабели и тут же падали у дверей на пол.

Целых три часа прокатывался от вагона к вагону стон и крики. Наконец немцы насосались юной крови и ушли.

Вскоре вокруг состава забегали, загалдели. Запыхтел паровоз. Вагоны расцепили, первые пять вагонов увезли в скрытый горами Севастополь, а наш и ещё один – куда-то в сторону. Провезли совсем недолго и опять остановили.

На полотне стояла женщина, худющая и чёрная. С трудом она держала в руках тормозные башмаки – подставки под колеса.

Приблизив рот к щели, я спросил:

– Тётенька, где мы?

По смуглому лицу женщины потекли слёзы, и она запричитала плачущим голосом:

– На Сахарной головке, детка, на Сахарной головке. Бедные вы мои сыночки, что же с вами делают эти изверги и супостаты? За трое суток никого не покормили, никого не подпустили. Бедные вы мои! Куда-то хотят везти вас снова, сыночки вы мои. Дай бог вам доброго пути!

– И с тебя кровь сосали? – спросил у Егорки невысокий, но подвижный как ртуть и, похоже, очень физически сильный чернявый партизан, который вечером представился как Шурале.

Егорка, самый маленький и младшенький из «кубанцев», только молча кивнул.

Шурале тоже кивнул, переложил из руки в руку короткий кавалерийский карабин, сунул руку за пазуху и достал красивое продолговатое яблоко.

– На, поешь. Это наш крымский кандиль, нигде больше такого нет.

– ...Две недели мы работали в лесном лагере: заготавливали древесину для немцев, – продолжил Володя. – Охраняли нас, строем гоняли на работу и в бараки, тоже немцы.

– Каторга – она и есть каторга, – вздохнул дядя Митя. – Разве то, что пацаны зелёные совсем...

– И жрачка – чтоб не сразу сдохли, – добавил Шурале.

– Не знаю, какая она там каторга вообще... – начал Толя.

– Дай Бог и не узнать, – отреагировал дядя Митя.

– А у нас самое подлое было – что немчура эта нас вроде как и не замечала.

– К коням они хорошо, по-людски относились... – подтвердил Щегол. – То, что на повал и разделку старых деревьев едва-едва хватало сил, это само собой понятно. Кормили так, что живот постоянно подводило от голода. Но хуже всего было то, что немцы нас как бы не видели. Нет, конечно, лишний шаг в сторону или лишние пару минут отдыха неизменно награждались ударом плетки. А то и приклада. Но все мы были для них... ну, не знаю точно, как сказать, материалом каким-то, что-то вроде живого студня, в который надо подбрасывать объедки и пинать, чтобы не расползлся куда не надо, – но только не людьми.

– Лошадей, на которых вывозили древесину, – подхватил Саша, – они, кстати, прекрасно различали и даже баловали: трепали по холкам, гладили, угощали морковками и яблоками.

– А мы же их, немчуру проклятую, – шмыгнул носом Егорка, – вынуждены были различать: кто чаще и кто сильнее лупит, кто просто не замечает, а кто высматривает зло и внимательно...

– Так это и было самое страшное? – спросил Шурале.

Почему-то никто ему не ответил. И не потому, что начали выдыхаться на долгом, хоть и некрутом подъеме, который Хачариди, из каких-то своих соображений, приказал преодолевать бегом и даже подталкивал отстающих. Просто каждый вспомнил своё...

Володя вспомнил совсем недавний, позавчерашний день – он ныл в сердце посильнее, чем напоминали о себе ссаженные ладони и коленки, всё ещё отзывающиеся болью суставы и растянутые связки.

– ...Вас? Вас заген ду? Ауфштейн! Аллес ауфштейн! – здоровенный немец свирепо толкнул Володю в бок дулом карабина. От злости фашист налился кровью и напирал на него, подталкивая к бревну с огромным комлем. Затем схватил пацана за рукав, легко швырнул исхудавшее тело и жестом приказал тащить бревно к штабелю.

Володя попытался поднять комель – и не смог.

Тогда немец сам взвалил тяжеленный комель ему на спину.

Вовка задрожал, оседавая всё ниже и ниже под непосильной тяжестью, сделал несколько шагов на полусогнутых ногах и упал на колени.

Павлик бросился к нему, – помочь, но конвоир, сверкнув глазами, прогнал его, ударив прикладом.

На коленях и на одной руке, захватив вторую комель, Володя пополз к штабелю. Казалось, этому не будет конца.

«Жить, жить», – твердил он про себя и из последних сил, кусая губы и роняя слёзы, тащил, тащил.

В глазах потемнело. Почти теряя сознание, Володя распластался под бревном у штабеля. Отдышавшись, столкнул с себя тяжесть, с трудом поднялся и медленно побрёл к ребятам, которые стояли на месте хмурые, с влажными глазами.

– Сегодня уходим, – только и сказал он друзьям и обвис на их руках.

Откуда ты, парень, где дом твой, скажи...

...Как только перевалили за гребень, стало понятно, почему Сергей так торопился. Они оказались у края неширокой, густо-густо поросшей лесом долины, которая, медленно изгибаясь, уходила на северо-восток. Впереди, насколько доставал глаз – ни дымка, ни бедной сакли, ни ещё какого-нибудь признака человеческого присутствия. Только на самом верху обрывистой противоположной стены долины замерло полтора десятка грязно-белых комочков: небольшая отара овец.

– Чабан нас увидит? – спросил Шурале.

– Небольшая беда, – хмыкнул Хачариди. – Пока до села доберётся – овец же не бросит, – пока расскажет, пока будут судить да рядить – мы уже полдороги до базы отмотаем.

– Но это же татары... – начал Саша.

– А что татары? – вдруг окрысился Шурале. – Мы не люди, да?

Тогда только до юных кубанцев, не больно сведущих в физиогномике, дошло, что этот Шурале, которому вроде как безоговорочно доверяет герой-партизан Сергей, самый что ни на есть крымский татарин.

А Хачариди даже и добавил, резко и безжалостно:

– Вы, пацаны, не обобщайте. У нас в отряде не смотрят, кто ты по метрике, а только – кто ты в бою. Я, кстати, из греков. И в отряде не то что татары, – и румыны, и болгары, и даже один немец есть, Яшка Цапфер, только его почему-то евреем считают. А татары... Мы-то поболее вашего натерпелись от добровольцев-самооборонцев и от прочей сволочи, нераскулаченной. Особенно оттуда, – он указал за спину. – Из горных сёл. Но ты вот только прикинь сначала, что когда мобилизации были и когда наши отступали, сколько татарских парней призвали и забрали и сколько их уже в земле сырой лежит? Самых лучших. И я тебе скажу так: по процентам – сколько там предателей, а сколько героев – считать не буду; но только в каждом татарском селе не одна и не две семьи, которые завсегда помогут. Расслабляться, конечно, нельзя – но разделяю так: или наши, или фашисты со своими прихвостнями, а ко там кто по рождению и какому богу молится – это пустое.

Сказал – а мне и вспомнилось, как в тот же день, когда мы сбежали с фашистской каторги, подошли к селу. А там стояли два грузовика. Ходили несколько немцев с бляхами на груди, жандармов то есть, и добрая дюжина полицаев с винтовками и повязками на руках. Они все размахивали руками, показывали куда-то в сторону гор, где начали раздаваться выстрелы и взрывы, а потом из-за школы – мы сразу решили, что это школа, – ударил пулемёт. Установленный в окне приземистого дома, мы так его и называли, казармой. Потом пулемёт замолчал, и из дома выбежало ещё несколько полицаев...

А грохот катился из-за гор и даже как будто нарастал. Немцы с татарами вскочили в машины и умчались по дороге, потом ребята узнали, что это дорога в Бахчисарай, оставив после себя лишь столб серой пыли.

Пацаны, трудно сказать почему, будто обрадовались этому и орала, свистели, а когда грузовики скрылись из виду, спустились в село. Шум в горах затих.

Сразу же заскочили в школу, но там не было никого и ничего. Тогда бросились в казарму татар-добровольцев.

Когда открыли дверь – пахло гарью и пороховым дымом. У окна на треноге стоял «максим» без бронешитка, высунув рыло в сторону, откуда чуть раньше доносились выстрелы. Гильзы были разбросаны по комнате, а лента с дюжиной патронов заправлена в приемник пулемета. Слева – стойка с одной винтовкой, рядом – пустая оружейная пирамида; посередине стол, а вдоль стен – койки. У двери тумбочка, а на ней – полевой телефонный аппарат.

Володя крикнул:

– Стойте! Ни к чему не прикасайтесь! Прежде всего, надо выделить наблюдателей, чтоб следили за дорогой, и проверить, не заминировано ли.

Лобов поднял с пола стреляную гильзу.

– Ещё тёплая, – констатировал он.

Тщательно осмотрели казарму, но нигде ничего подозрительного не обнаружили. Володя осторожно взялся за ручки «максима» и пошевелил его. Дуло легко поддавалось нажимам, вертелось вправо, влево, вверх, вниз.

– Разберём и унесем с собой, – предложил кто-то.

Но, сколько и куда ни заглядывали, так и не смогли снять пулемёт с треноги. Оставили на время и кинулись искать оружие и что-нибудь съестное.

В кладовой нашли пять буханок чёрного, совсем зачерствелого хлеба, несколько пачек сухой капусты, по ящикам наскребли перловой крупы и вермишели.

Немного поели, отдохнули, а потом Саша – он всё время посматривал в окно, – сказал:

– Там какая-то машина пришла, и народ шевелится. Айда, посмотрим?

...Отовсюду шли люди к центру села, несли кто винтовку, кто обрез, кто автомат, и всё это забрасывали через борт машины-полуторки.

Ребята тоже приблизились к машине.

В кузове, в немецкой форме, стоял солдат, но как-то очень не похожий на немца. В кабине сидел другой, молчал и только внимательно и осторожно водил глазами по сторонам. К нему иногда подходил третий, они о чём-то тихо шептались, улыбались. В них тоже было мало немецкого, как показалось.

А люди, в основном татары, всё несли и несли оружие.

Вот из-за белесой каменной ограды вышли двое татар. Один из них с трудом нес пулемёт, другой – ящик с лентой.

– Гляньте! – прошептал Володя. – Видите, наш пулемёт? Эх, досада, не унесли мы его.

«Максим» тоже лег в кузов.

На дверях конторы висел приказ. Жителям предписывалось немедленно сдать всё оружие. У кого же обнаружат хоть один спрятанный штык или патрон, того расстреляют без суда и следствия, на месте, а дом сожгут. Внизу стояла круглая печать с орлом и подпись – комендант Бахчисарая.

Когда всё было снесено и народ, в большинстве, разошёлся по домам, в кабину влез тот, который ходил вокруг машины, и внятно сказал:

– Ну, Стёпа, пора!

Мы остолбенели, не веря ушам своим. А полуторка сорвалась с места, сразу же набрала скорость, подняла тучу пыли и скрылась.

– Вот это да! – выдохнул Саша, наконец-то обретая дар речи. – Хлопцы! Надо же было подойти, поговорить.

– Да! Кто ж их знал? Ошибись, и пуля в лоб.

Прежде чем уйти в горы, мы прошлись по крайним дворам, выпросили картошки, яблок, лук, соль, кукурузу. Володя за пояс заткнул гранату, и хоть она и была без запала, татары этого не знали. Они косились на неё и давали, что могли.

Собрав, сколько удалось, отправились к заветной горе...

...Ты помнишь, мы добирались ещё сутки, хотя уже утром вышли на дальний отрядный кордон. Потом нас ещё дважды окликали и останавливали. И спрашивали пароль, хотя все знали тебя в лицо, и кто хоть на миг сомневался, что именно ты несешь какие-то важные разведывательные данные (Большая земля запросила их) и ведёшь в отряд не очень-то и нужное ему, но неизбежное пополнение?..

И только позже мы узнали, что там, в том селе, чуть ли не первым в Крыму был создан карательный отряд из местного населения...

Два года назад

...8 ноября 1941 года группа в составе пяти человек из урочища Камышлы, где располагался партизанский отряд, отправилась с заданием разведать местность и найти газету с докладом Верховного главнокомандующего Советской армии. Их путь пролегал через деревни Коуш-кая, Бия-Салы, Улу-Салы. В состав группы вошли: командир разведгруппы Алексей Палажченко, Яша Лагутин, Коля Кузнецов, Иван Чижевский и Саша Степаненко – 15-летний подросток из рабочего посёлка шахтеров Чаир, как проводник, знающий эту местность.

Подойдя к деревне, разведчики спросили чабана, а затем какого-то мальчика: есть ли немцы в деревне? Получили отрицательный ответ, хотя и на татарском, но поняли, что нет и не было.

В самой деревне это подтвердила молодая учительница, тоже татарка, говорящая на ломаном русском языке.

Примерно на середине деревни Яша Лагутин заметил много стволов оружия и людей, лежавших в засаде, за поваленными деревьями по долине, за речкою, и тихонько сообщил об этом командиру. Впереди шли Чижевский и Степаненко, за ними следом шли трое. В этом месте слева – река, справа – двухметровой высоты бугор, за ним дома. Впереди, через сто – сто двадцать метров, бугор заканчивался и вправо шла балочка.

Трое начали взбираться на бугор, а Чижевский и Степаненко направились в балку.

Заметив партизан, враги открыли огонь из пулемета и винтовок. Разведчики, забежав за дом, ответили им из трех карабинов. «Деревья» приутихли, но зато начался шквальный огонь в балке, в которую побежали Чижевский и Степаненко. Там вдруг раздался взрыв гранаты, как потом выяснилось, её бросил Чижевский. И всё стихло.

Оказалось, в балке тоже была засада.

Врагами оказался карательный отряд, образованный из жителей деревни, хотя в ней ещё и ноги фашистских захватчиков не было. Появились они только после 12 ноября 1941 года.

Каратели у полуживых партизан обрезали уши, носы, обрубили им пальцы, чтобы подтвердить свою преданность фашистам по их приходу. Они на деле доказали, на что были способны...

Следующим актом карателей было сожжение лесных домов урочища Камышлы, где размещались партизанские группы.

После этого партизаны кочевали, спали в шалашах, не задерживались надолго на одном месте. Начало этой жизни и борьбы сопровождалось холодом и голодом. Особенно отличался голодной диетой январь и февраль 1942 года.

Евпаторийский отряд менее других голодал, так как в первые дни лесной жизни сумел рассредоточить продовольствие по небольшим ямам и этим спас себя от разгрома. Однако 13 марта пришлось отдать последний десяток котелков муки на лепёшки идущим на связь с Севастополем связистам. Они пришли и установили связь с руководством обороны Севастополя, после чего прилетел к партизанам в лес лётчик Филипп Филиппович Герасимов, посадил самолёт на миниатюрной поляне Верхнего Аполаха (сейчас называется кордон «Олень»), правда, поломал пропеллер. Пришлось искать другой – и нашли, на Ай-Петринской яйле, но взлёт всё равно не получился. Герасимова отправили катером.

Связь с фронтом была большим событием, облегчился вопрос с продуктами, их посылал самолетами в лес Севастополь, хотя эта связь продовольственной задачи не решила...

...А мы как-то быстро стали в отряде «своими».

Представили нас и командиру, Фёдору Фёдоровичу Беседину, который показался нам старым, старше наших школьных учителей и родителей, и сразу почему-то напомнил их – и родителей, и учителей. Поговорил с нами и замполит Тарас Иванович Руденко; разговаривал

он почти так же, как наши старые станичники, разве что вплетал в разговор ещё чуть побольше чисто украинских слов. С остальными партизанами знакомились так, как получалось – когда они возвращались с боевых заданий. Или когда на задания мы ходили вместе.

Вскоре, чуть ли не на третий день после нашего прихода, случилась стычка со взводом румын, которые сунулись в наш лес. Ушло из них едва ли половина; ещё один, вроде младший офицер, лежал с простреленными ногами и кричал «Мама дракула!», и его пристрелили из жалости. А у нас появились карабины.

Потом был ещё один бой, когда мы сами напали на обоз, и у троих из нас – а к тому времени «кубанцев» осталось всего шестеро, потому что Павлика срезало осколком, – появились автоматы.

Потом свой «шмайссер» я выменял у дяди Мити на ППШ, а из нас к тому времени сформировали разведгруппу в твоём подчинении. Помнишь, как мы ходили в Биюклы?

Кевсер

– Командир, надо сходить в Биюклы, – напомнил Сергей Хачариди. – Договаривались...
– Знаю, что договаривались, – кивнул Беседин. – Только мне кажется, что теперь о твоей «любви» с Кевсер не вы вдвоем только знаете.

– Ого, – только и сказал Сергей. – А я и не в курсе.

– Потому и предупреждаю. Пришла весточка из тех краёв. Возня там какая-то полицейская наблюдалась. Не по твою ли душу, часом?

Сергей только плечом повел – «много чести, мол», и сказал:

– Так тем более в село надо заглянуть. Посмотреть, что там сволочи удумали.

– Сунешь нос – вот они тебе его и прищепят.

– Да ладно, у нас же с Кевсер знак условный есть, если, мол, вдруг что не так...

Фёдор Фёдорович несколько секунд молча смотрел на Сергея, будто раздумывая, потом кивнул и спросил:

– Условленное время у вас когда?

– В одиннадцать вечера.

– Бери свою группу. Придите к селу на час раньше, посмотрите всё внимательно. Со всех сторон. В открытую не суйтесь.

– Да понятно, командир.

– А в прикрытие, для особо понятливых, ещё одна группа пойдёт. Марченки.

Сергей Хачариди собрался было что-то возразить, мол, дело-то не больно серьёзное, не воевать же, а со связником повидаться, но понял, что Фёдор Беседин, командир отряда, знает больше о «полицейской возне», чем говорит, а посему имеет резоны. И сказал только:

– Там чуть левее, если от нас смотреть, в полуверсте от Биюклы ещё один лесок имеется.

Пусть они там запрячутся, только...

– Это вы с Марченкой обсуждайте. Всё, свободен.

Разведгруппа вышла сразу после заката. Ночь обещала быть ясной.

В сумерках миновали все три дозора и вышли на «ничейную» землю.

Те же невысокие горы и то же мелколесье, но уже никто не мог с уверенностью сказать, что за очередным «слепым» поворотом ясно различимой в свете звёзд и луны тропы, не подстерегает засада. А ещё от невидимой и, кажется, неблизкой Белогорской дороги доносился время от времени гул моторов, а иногда – характерный звук мотоциклетных выхлопов.

Сергей шел впереди, «кубанцы» – в трёх – пяти шагах за ним. Шёл почти бесшумно (а они, хоть и старались, всё равно время от времени оступались или оскользались, – всё-таки не день, да и навыки у них были ещё не очень); шёл, чуть пригнувшись, пружиня на сильных ногах. В правой руке – ППШ, в левой несёт за верхнюю рукоятку верную «шкоду» ZB, ручной пулемёт чехословацкого производства. Так и плывут два тускло поблескивающие ствола параллельно земле на уровне чуть выше его колен.

«Кубанцы» тоже вооружены: у всех шестерых карабины и по гранате, а у Володи и у Саши ещё и автоматы. У Вовки ППШ, а у Сани – трофейный «рейнметалл».

Вдруг мелколесье как ножом обрезало: дальше начинались поля и сады, а за ними хорошо просматривались мазанки и сакли Биюклы, деревни со смешанным украинским и татарским населением.

Дохнул лёгкий ветерок и принес характерные деревенские запахи и звуки: бляение овец, какой-то скрип, кизячный дымок и ленивый перебрех собак.

– Так, малой, – обратился к Володе Сергей Хачариди. – Вон видишь ту сараюшку?

«Сараюшка» светлела освещённой луною стеной на самом краю огорода, а за ней просматривалась часть двора и тёмного дома с верандой.

«Малой» кивнул.

– Оттуда дом Кевсер просматривается отлично, – продолжил Сергей. – Заползи и посмотри: как там что. Если всё спокойно, – перед домом, у летней кухни должен стоять на столе кувшин, высокий такой. Просто вода, но это знак. Сиди и не высовывайся. Ну и если что – огнём прикроешь.

– А вы как?

– В свой «почтовый ящик» заглянем, и к дому пройдем – вот оттуда, слева. А ты, как что не так, кричи совой.

...В доме же, предназначенном для большой татарской семьи, в самом деле собралось много народу. Вот только хозяев было всего трое – сама Кевсер, её мать и отец, а остальные были полициями под предводительством двоих немецких жандармов.

Стариков заперли в дальней комнате, а Кевсер уже полчаса допрашивали, но пока что без особого рукоприкладства.

Девушка отчётливо понимала, что кто-то из «добрых соседей» донёс, что в этот дом приходят партизаны, быть может, даже «тот самый» Серый Грек, весть о котором докатилась до оккупантов, – а возможно, и подсказал вероятное время визита лихого партизана.

– Думаешь, дождёшься? – хохотнул жандарм.

По-русски он говорил очень хорошо, с совсем небольшим акцентом. Из фольксдойчей, наверняка.

Кевсер промолчала.

– Мы тоже хотим дождаться. Ну, говори, – какой тебе подарочек из лесу принесут?

– Ничего я вам не скажу – отрезала Кевсер.

– Что ж, на одной перекладине болтаться будете, а дом спалим, маму, папу спалим. Аллес капут.

– Только и умеете, – сорвалось у Кевсер.

Второй жандарм засмеялся и что-то быстро сказал по-немецки.

Кевсер не поняла, что, а первый, – полицаи называли его «господин фельдфебель», – прошёл к двери в девичью спальню, заглянул туда и вернулся.

Кевсер тем временем хотела засветить лампу (керосинка на подоконнике углового окна был дополнительным сигналом тревоги), но фельдфебель рывком выхватил керосиновую лампу из её рук. Затем кивком указал Кевсер на дверь спальни.

Кевсер, будто не понимая, отошла подальше к окну.

Тогда фельдфебель намотал на кулак её косу, втащил девушку в спальню, захлопнул за собой дверь и толкнул к кровати.

– Ложись.

«Лучше умру стоя», – мелькнула в сознании у Кевсер, бывшей отличницы советской школы, оборванная фраза Долорес, и она закричала:

– Сволочь фашистская! Не бывать этому.

– Раз жить не хочешь, тогда ложись. Всё равно скоро повесим.

– Ещё неизвестно, кто первым будет висеть – я или ты, гад!

Фельдфебель бросил Кевсер на кровать и стал срывать с неё платье. Но девушка изловчилась и, сколько было духу и силы, толкнула фрица в грудь ногами. Он отлетел, шарахнулся о стенку и выругался по-русски.

А Кевсер, как ошпаренная, выскочила из спальни.

Фельдфебель остался за дверью, а второй немец встретил её гоготком, но не тронул.

Кевсер перевела дыхание. Время приближалось к одиннадцати, вот-вот появится Сергей, а она не сможет выйти, сообщить о засаде. У окон сидят полицаи и не спускают глаз со двора.

«Как предупредить его?» – спрашивала себя Кевсер.

А тут ещё этот фриц... ужас какой! Никак не очухается в спальне. Видать, и желание всё пропало.

Во что бы то ни стало надо унести кувшин со стола во дворе. Время неумолимо близится...

Кевсер попросила разрешения выпить. Немец молча выслушал, что-то соображая. Потом кивнул:

– Я, вассер. Гебен зи мир.

Это Кевсер поняла; она подошла к окну и указала на кувшин, стоящий на столе посередине двора.

– Гут вассер, йа?

– Даффай, – приказал немец по-русски.

И Кевсер, не чувствуя ног и дрожа всем телом от радости, выскочила в приоткрытую дверь. Подбежала к столу, подхватила и внесла кувшин в дом, подала его немцу.

Тот жестом приказал выпить сначала ей самой.

Кевсер налила воды в кружку и выпила. Тогда и немец сделал то же.

«Ага, боитесь? Чтоб не отравили?!» – подумала девушка.

Сердце стучало от радости, что успела подать условный знак.

«В эту ночь петухи, наверное, опоздали со своим пением», – подумал Володя.

Клоуно ко сну. Зевота раздирала рот до ушей, но надо было смотреть на двор, на кувшин и на дверь. Володя вновь зевнул – да так и застыл: скрипнула дверь веранды и выскользнула девушка. Пятно её лица, освещённого луной, казалось мертвенно-бледным. В чёрном зеве двери сверкнул холодный блик на стволе автомата, направленного ей в спину. Она не шла, а летела к столу, белая накидка крыльями развевалась у неё за спиной. Мигом схватила кувшин и так же быстро нырнула в темноту, словно унесши сияние луны с собой.

Облака опять надвинулись, и стало темно.

То ли это была явь, то ли сон, – так произошло всё быстро и неожиданно.

И в это время, словно сговорившись, заорали все разом петухи села.

Через полминуты вновь настала тишина. Но сон как рукой сняло.

Вдруг вдали за селом прозвучало несколько одиночных выстрелов и эхо в горах повторило их.

Володя ещё внимательнее прислушался.

Вот за углом дома что-то брякнуло, и показалась фигура, идущая из глубины двора. Полицай! Он прошел к сараю, а ему навстречу, из тени, отделились двое. О чём-то тихо пошептались. Один из них подошел к веранде и постучал. Дверь открылась, и из темноты вынырнул четвёртый.

У двери все они заговорили громче, а изнутри донеслись крики:

– Ком! Ком шнель!

– Никуда я не пойду! Я не знаю, где он!

Володю обдало жаром от крика и от того, что девушке ничем не помочь. По телу прокатилась дрожь напряжения и нетерпения.

В соседнем дворе залаяла собака – и вдруг деревня словно проснулась. Собачий брех, людские голоса, крики – всё это волной прокатилось по всей ложине, занятой селом, и разлетелось окрест.

И за домом Кевсер возник непонятный шум, галдёж. Двое бросились туда. Из веранды, один за другим, выскочили полицейские, а третий – жандарм, – вытолкнул девушку.

Она не удержалась, упала и застонала.

В этот же миг в другом дворе раздалась длинная очередь из автомата и оборвалась.

«Почему молчит Сергей? – мелькнула у Володи непрощенная мысль. – Неужели?.. Ведь пулемёта не слышно!»

Девушка оставалась лежать, и немец бросил её, устремившись следом за полицаями, на ходу крикнув что-то другому жандарму, который остановился, словно не зная, что ему делать.

Слева, где-то на улице, вновь застрекотало, и тут же коротко и зло прокатились пулемётные очереди.

– Значит, жив! – мелькнуло у паренька. – Теперь и моя очередь начинается!

Девушка поднялась и быстро побежала прочь от дома, прямо к его укрытию.

Фашист бросился за нею с криком:

– Цурюк! Цурюк! Хальт! – и начал стрелять.

Она уже подбегала к сараюшке.

Володя отвёл предохранитель и хлестанул свинцом по немцу и двум полицаям, выбежавшим во двор.

Девушка от неожиданности упала.

Упали – нет, скорее просто залегли, – и все трое во дворе.

А девушка секунду спустя вскочила и бросилась к стенке, где стоял лист железа, отодвинула его под прикрытием автоматного огня и забралась в укрытие.

Подползла и с радостью обняла Володю, – зная только, что это избавитель.

И шепнула:

– Я – Кевсер. А где Сергей?

– А слышишь пулемёт? Это он стреляет. Теперь всё пойдёт, как надо!

Кевсер увидела лежавший рядом карабин и попросила:

– Дай мне его!

– Бери. Стрелять умеешь?

– Да. Серёжа научил.

Она ловко передёрнула затвор, прицелилась в подбегающего врага.

– На, получай, кобель. Не будешь больше мучить и вешать нас! – крикнула Кевсер и выстрелила. Жандарм упал.

Тут подбежали Щегол и Саша.

– Как дела, Володя? Держишься?

– Держимся! Видите? Кевсер отбили. Вон они лежат, стервятники...

Тем временем каратели, отстреливаясь, стали отходить огородами вниз.

– Не дать уйти! – раздался голос Сергея Хачариди. – Окружайте!

Группа Марченко, заслышав горячую, упорную стрельбу, ворвалась в село с запада, отрезав пути к отходу немцев и полицаев.

Кольцо сужалось с каждой минутой, и скоро дело было кончено. Бой затих. Похоже было, что никто из немцев и полицаев не ушел... Хотя, может, кто-то успел спрятаться. А у партизан тяжело ранило двоих: Лобова и разведчика Васина из марченковской группы.

– Так, – сказал Сергей, когда обе группы собрались у старой сельской почты, саманного домика с просечёнными пулями стенами. – Оружие собрать, а всю эту босоту дохлую вон туда, в овраг. Ни к чему кому-то знать, в каких хатах они прятались. Слушай, Марченко, надо бы по-быстрому выяснить, кто тут стукачом был. Расспроси, ладно?

– Сам не можешь, что ли? – заворчал Марченко.

– Да некогда мне, – махнул рукою Сергей. – Скоро в отряд возвращаться, а мне ещё с Кевсер надо разведданными обменяться.

...А скоро Кевсер и её стариков пришлось забрать из Биюклы в отряд. Она сразу же начала работать в санчасти, и те, кому приходилось туда обращаться, говорили, что руки у нее золотые. Мало того, что лучше неё, оказалось, никто перевязку не сделает, так ещё собирала с мамой, пока Зарема Сулеймановна могла ходить по горам, всякие травы и корешки, делала из них что-то вроде мази и прикладывала к болячкам. Помогало. Правда, Зарема Сулеймановна скоро умерла... И Николай Лобов, наш кубанец, который так и не оправился от ран.

Кажется, как раз накануне того дня, когда надо было идти на связь с Южным соединением, через Пойку...

Но сначала был тот страшный вечер в Сары-таш. И вся наша ненависть умножилась...

Третье чувство

– Не понимаю, – пожаловался Беседин. – У неё что, на лбу написано?

Проблема была вот в чём. За последнюю неделю «провалился» второй связник, причём связник издалека, из самого Симферополя, и с совершенно надёжными, мало что проверенными, так и настоящими, выданными самой симферопольской комендатурой, документами. И это была женщина уже достаточно опытная, которая прежде пять раз приходила в отряд, приносила разведанные и даже бланки немецких и румынских документов, благополучно уведённые подпольщиками прямо из соответствующих учреждений, и благополучно возвращалась в город.

И с ней самой тоже вроде никаких проблем не наблюдалось: этническая эстонка, обрусевшая в Крыму, она тем не менее и по своему типу, – голубоглазая костистая блондинка, и по фамилии, и по приличному владению немецким (с «забавным», по выражению её непосредственного начальника, техник-лейтенанта Вернера, акцентом), она не вызывала никаких подозрений.

Вполне прилична была и её легенда: она регулярно навещала стариков-родителей на хуторе, когда-то входившем в состав эстонского колхоза, о чём имелся соответствующий документ, регулярно обновляемый самим лейтенантом Вернером, куратором городской коммунальной службы. И в самом деле навещала, а потом, как стемнеет, перебиралась в отряд, а назавтра выходила на шоссе, минуя пару полицейских и жандармских постов, и там её охотно подвозили попутные машины. И вдруг – провал...

Причём был ещё один момент. Провалы случались и прежде: бывало к документам обоснованно придерутся, или вдруг найдут плохо припрятанную «передачку» для подпольщиков – если из отряда, или для партизан, если от городских подпольщиков или соседнего отряда. Пару раз было, что просто у связника не выдерживали нервы, и дело оборачивалось пулей вдогон. Предыдущий случай был как раз шесть дней тому; что именно происходило, точно узнать не удалось, но произошла стрельба, на том месте позже нашли несколько гильз и пятно крови, а свои люди из ближнего села рассказали, что татарский патруль – их там было аж пятеро, – привез окровавленное тело какого-то бородатого старика, а потом прикатили на мотоцикле немецкие жандармы и после переговоров поехали все вместе куда-то прочь.

Связником как раз был бородатый старик, набожный пасечник и травник, но бывший конармеец, которому за героическое прошлое и безвредность многое прощала советская власть, а власть оккупационная об этом прошлом и не знала.

Когда Кристина, передав все, что нужно, – а в числе этого были не только новые пропуска и пароли, но и бесценная батарейка для рации, – отправилась в город, Тарас Иванович, повинувшись не согласующейся с диалектическим материализмом, но надёжной интуиции, послал «присмотреть» за ней, пока это будет возможно.

К сожалению, интуиция не подсказала послать за связной достаточно сильную боевую группу, направили всего лишь двоих глазастых разведчиков, чтобы посмотреть издалека (ближе чем на сто шагов было не подойти – место открытое), как Кристина минует пост и направится к шоссе. На посту же оказалось шестеро, и двое из них – с автоматами, и ребята не решились напасть, а только увидели и доложили, бегом прибежав в отряд, что Кристину вроде даже и не расспрашивали и на документы особо не смотрели, а сразу скрутили, бросили поперек лошадиного крупа и повезли...

Куда – это можно было предположить с достаточной долей вероятности. В трёх верстах от поста, рядом с шоссе, находилось большое село со смешанным населением, переименованное сразу же после прихода румын в Сары-таш. Там располагались и румынская, и полицейская казармы, хотя постоянного гарнизона не было.

– На лбу или ещё как, а выходит, что её специально ждали, – мрачно бросил Руденко.

– В лицо, что ли, узнали? – спросил начштаба Ковригин.

– Да нет, непохоже, – сказал «глазастый» Тимка, чернявый верткий парнишка, который выглядел куда моложе своих пятнадцати. – Они как-то вначале были вроде спокойными, да и она тоже, а потом вдруг переглянулись, крикнули что-то и на неё набросились.

– А что крикнули? – спросил Сергей Хачариди.

Он пришел на совет, созванный, как только «глазастые» ребята принесли тревожную весть, первым из командиров групп.

– Да не слышно нам было: гел-гел что-то, и собака их залаяла, а Кристина даже вроде и не кричала ничего, – развел худыми руками Тимка.

– Нет, крикнула что-то вроде «Не смейте», – вставил второй «глазастый», Айдер.

Вот тогда-то Фёдор Фёдорович и повторил своё:

– Ну не на лбу же было написано, что партизанка.

А Сергей заметил:

– Про собаку вы ничего не говорили, – и внимательно посмотрел на Тимку и Айдера.

– Новость, что ли? – пожал плечами Ковригин. – Патрули часто с собаками ходят. Особенно немецкие. Но и татары тоже...

– Они, правда, и раньше там собаку держали, – сказал Тимка. И толкнул Айдера: – Помнишь, мы на той неделе их пост обходили с подветренной, чтобы не учуяла.

– Вот именно... – медленно, втягивая, сказал Хачариди. – Чтобы не учуяла...

Он сорвался с места, пробежался туда-сюда и почти крикнул:

– Фёдорыч, она же в лагере ночевала! Дымом костровым вся набралась!

– А за легендой, – подхватился и Тарас Иванович, – вона ж з батькивської хати йшла, який бо ж там сморид!

Все замолчали, все смотрели на Беседина. А Фёдор Фёдорович так и сидел за неструганным «командирским» столом, и только сжимал и разжимал крепкие кулаки. С минуту молчал. Потом спросил у «глазастых», переминающихся с ноги на ногу в непривычном окружении отрядного командования:

– Вас точно полицаи не видели?

– Точно! – в один голос ответили Тимка и Айдер.

– Тогда так. Готовим налёт на Сары-Таш. Может, не увезли её куда дальше. И чтоб сегодня же была готова баня! И так перед каждым выходом связников драить, чтоб только святым духом пахли все, кто из лесу идёт!

...К Сары-ташу подходили тремя боевыми группами. Почти вся боевая сила отряда на то время – семьдесят штыков; в основном лагере из бойцов осталось только охранение, ну и сторожевые посты на засеках, само собой.

Самое трудное было – подойти как можно ближе незамеченными. Чтобы не всполошить полицаев и жандармов, которых могло набраться больше трёх десятков. Их, впрочем, особо не опасались. Хотя и зазря рисковать было ни к чему. Опасались, что сволочь эта поднимет тревогу и вызовет подкрепление, а до ближнего немецкого гарнизона было недалеко, могли добраться до Сары-таша меньше чем за час.

Но совсем без стрельбы обойтись не удалось: группа, которую вёл сам Беседин, в ранних сумерках столкнулась с тремя татарскими полицаями буквально лоб в лоб. Джигиты вдруг вывернули из-за кошары, которую как раз обходили партизаны с севера, и хотя одного садил с седла Ваня Заикин, махнув прикладом «мосинки», как дубиной, а второй захрипел и сполз сам, цепляясь пальцами за рукоятку тесака, метко пущенного Арсением-одесситом, третьему пришлось выстрелить вдогон. Трижды. И оставалось только надеяться, что эти выстрелы, хоть и наверняка услышат в Сары-таше, примут за стычку на полицейском посту и сильно не всполошатся.

И надежда оправдалась. Конечно, и румыны, и татары отстреливались, и во всех трёх боевых группах были раненые и даже двое убитых, но всё сопротивление сосредотачивалось вокруг зданий бывшего сельсовета и клуба. Посты на въездах в село были выкошены в первые же минуты боя. Ну а позже пулемётчики – их было трое, по одному в каждой группе, – и стрелки прикрывали огнём, а шестеро партизан подползли поближе и забросали здания гранатами.

Румыны, после пары минут криков, высунули в выбитое окно какую-то белую тряпку и заорали: «Сдавайс!» – перемежая крики отборной и почему-то русской матерщиной.

Татары не сдавались. Даже когда, после третьей порции гранат, партизаны ворвались в клуб через высаженную дверь и пролом в стене, двое из них, раненые, выстрелили, скорее всего, ни на что не надеясь, кроме быстрой смерти. Ну и получили. Пятеро только из полицаев, тоже все раненые и все очень молодые, как сидели у стены в зрительном зале, так и подняли руки, не вставая. Оружие – карабины, – они сложили на пол перед собой.

– Где Кристина? – крикнул Беседин, вбегая в зал.

Четверо промолчали, точно окаменели, а один вдруг завизжал и закрыл лицо руками.

...Кристина была тут, в клубе, в бывшей костюмерной. Ещё тёплая, но даже если бы партизаны поторопились, вряд ли смогли бы ей помочь. На обнажённом, когда-то сильном и красивом теле буквально не было живого места. И в окровавленных плотницких клещах на раскроечном столе белел зуб, и ещё несколько валялись на полу.

...И помню, как ты сказал, когда мы уже возвращались в лагерь: «Вот я думаю: неужели у кого-то язык поганый, раздвоенный, повернётся прошипеть – а давайте, мол, всё забудем и помиримся».

А никто из нас про такое и не думал...

Не отступать и не сдаваться

– Вы знакомы с высказыванием доктора Юнга, герр штурмбаннфюрер? – внезапно спросил гауптштурмфюрер Штайгер, присаживаясь на каменную ступенечку при входе в пещерную часовню.

Так по крайней мере принято было называть эту рукотворную пещеру со сводчатым потолком на восточном склоне Пойки.

– Вы о каком-то конкретном высказывании, я полагаю, – отозвался штурмбаннфюрер СС Карл Зеккер, не вынимая мундштука изо рта.

О том, что это старший офицер СС, на первый взгляд трудно было догадаться: мешковатая куртка на искусственном меху, похожая на флотскую, но тёмно-коричневая, стёганные брюки, суконный картуз без кокарды. Под курткой, правда, был форменный китель со всеми положенными регалиями и офицерским Железным крестом, но Зеккер куртку не расстёгивал.

– Естественно, – улыбнулся доктор Штайгер, об офицерском звании которого вообще ничто не напоминало ни в тёплой, как раз для этого небывало холодного в этом году конца сентября, подходящей для гор и пещер одежде, ни в выправке.

Ассистент кафедры истории Боннского университета (одного из самых уважаемых в Германии центров университетской науки) уже пятый год плодотворно сотрудничал с Аненэрбе, причислен к СС-ваффен и получил вполне солидное воинское звание, пользовался авторитетом в кругах специалистов, но ничуть не избавился от гражданской расхлябанности. Руководителю поисковой группы Зеккеру только и удалось добиться от Юргена Штайгера неукоснительного уставного обращения и ежедневного тщательного заполнения поисковых журналов.

– Если быть точным, то даже не одно высказывание, – продолжил научный руководитель поисковой группы, – а тезис о том, что человек не способен увидеть то, что существует в действительности, но никак не присутствует в его представлении. Отсюда истинное творчество – увидеть большее, чем устойчивый стереотип, и тем самым ввести это в стереотипы.

– О, да, в несколько иных выражениях, но я это слышал, – согласился штурмбаннфюрер.

Аккуратно потушил сигарету, спрятал мундштук в нагрудный карман куртки и поднёс к глазам бинокль.

Вновь и вновь вглядывался он в ту сторону, где располагалась невидимая отсюда, закрытая низкой грядой кустов, но недалёкая Иосафатова долина.

То ли показалось, то ли в самом деле дважды замечал он лёгкий дымок, который струился совсем не там, где ему и положено быть – не над татарскими сёлами, азимут на которые он определял мгновенно и безошибочно, – а ещё однажды донесся откуда-то оттуда, из невидимой долины, отзвук недолгой стрельбы. И хотя сейчас, в конце сентября 1943 года, выстрелы, увы, то и дело ещё раздавались в Крыму, нечто настораживало. То, например, что раздались они со стороны Иосафатовой долины, доселе полностью подконтрольной частям самообороны и румынам, и что стреляли там не из винтовок и даже не из «шмайссеров», в небольшом количестве находившихся и у румын, и даже у татар, а из русских автоматов.

Но сейчас ничего подозрительного не было видно и не было слышно.

– И к чему вы это вспомнили, герр гауптштурмфюрер? – спросил Зеккер, прикидывая, как следует изменить расположение часовых, чтобы чётче контролировать восточный сектор. И о чём надо запросить комендатуру во время радиосеанса, который должен состояться через полтора часа... Хотя можно связаться и раньше.

– Капитанство Готия... Горная Готия... – начал господин доктор, умащиваясь поудобнее и вылавливая баночку леденцов: они ему служили не то заменой сигарет, не то защитой от табачного дыма. – Южный форпост арийской расы среди варварских племён...

Штурмбаннфюрер покосился на него, но не счёл нужным что-то говорить в ответ на трюизмы.

– Создали города, крепости, храмы и даже существенно облагородили породу аборигенов – вы, видимо, обращали внимание на черты лиц и осанку местных...

Штурмбаннфюрер хмыкнул и чуть пожал плечами; при желании это можно было истолковать как угодно.

– И как-то никто не потрудился спросить: а почему именно здесь?

– Здесь – вы что имеете в виду? Крым? Лучшая, кстати, его часть? – на этот раз отозвался Зеккер.

– Нет, почему их центр был именно Пойка?

– Естественная твердыня, практически неприступная, – с некоторой долей досады ответил штурмбаннфюрер, не расположенный, что вполне характерно для воспитанников ордена, к пустой болтовне.

– Да, конечно, только вот находится «глубокоуважаемая Пойка» на таком отшибе, что до неё и добраться никто почти не мог, и по размерам – ну, кто здесь мог спрятаться? Понятно, располагался небольшой монастырь, да дворец епископа размером с бюргерский домик – хотя Иоанн Готский сей край не особо жаловал, – а вот для гарнизона и места нет. Но тысячу лет подряд сюда приходили люди, жили, умирали... Хотя хоронили их преимущественно внизу.

– Да-да, – отозвался Зеккер, не отрываясь от бинокля. – Священное, почитаемое место...

Вот теперь он увидал...

Заметил отчётливо: на гребне, чуть выше полосы тени, отбрасываемой в сей предзакатный час сутулой громадой Пойки, промелькнули пять... или шесть фигурок... вооружённые... и одетые как попало... Перевалили гребень и скрылись в лесу.

– А чтобы молиться, выдолбили вот такие храмы и часовни в твёрдом и вязком известняке, очень-очень неподатливом, – обрадованно подхватил беспечный доктор Штайгер.

Впрочем, не столько, пожалуй, беспечный, сколько приученный, что за плечами настоящих солдат ордена не то чтобы опасаться, но и особо задумываться об опасности не следует.

– Очевидно, так, – кивнул штурмбаннфюрер, поднимаясь. – Подробнее поговорим в другой раз. Надо подготовиться к приёму гостей.

– К нам сюда идут гости? – поднял брови над круглыми очками Штайгер. – Кто же?

– Не уверен, что к нам, и полагаю, что не сюда, но мимо нас вряд ли проберутся.

Карл Зеккер знал, что говорил. Впрочем, можно и наоборот: говорил, что знал.

Массив Пойки можно было обойти с юга и с севера, соответственно по тропе по направлению к Большому каньону и по «улучшенной» грунтовке – в сторону Мангуп-кале. И тропа, и грунтовка проходили недалеко от нижнего лагеря и отлично простреливались сверху: и с этой «часовни», и с галереи, и с нескольких мест на плоской вершине. Так что действительно «мимо вряд ли проберутся», даже под покровом темноты, – если, конечно, принять соответствующие меры.

А насчет того, куда направляются эти пять-шесть... но может, что и больше, – партизан, то здесь стоило весьма усомниться, что идут они именно на Пойку. Для них здесь ничего нет – разве что возможность временного укрытия, полагая это место безлюдным, – поскольку о поисковой группе Аненэрбе, направленной сюда по инициативе Вольфрама Зиверса и согласно личному приказу рейхсфюрера, знать они попросту не могут.

Вот вдоль каньона, на юг – туда, где в большом горно-лесном массиве, кочуя от Ай-Петринской до Бабуган-Яйлы и обратно, торчит как кость в горле партизанский отряд, а может, и не один, допускают, что целое соединение, – они направляться могут.

Или на север, туда, где за Мангупом начинается Особый севастопольский укрепрайон, а там и железная дорога, и шоссе, и кабели связи...

Рация располагалась здесь же, рядом с часовней, в гроте-комнатке неопределённого пока что назначения в начале крытой части галереи; антенну закрепили наверху, к дереву на краю плоской вершины, – так обеспечивалась круговая связь, хотя слышимость в южном направлении оставляла желать лучшего: всё-таки Главная гряда была выше.

Сначала Зеккер надиктовал, а радист отправил три радиogramмы – в Севастополь, Дуванкой и Бахчисарай; теперь можно было надеяться, что северный обход будут охранять строже.

Затем штурмбаннфюрер сам надел наушники, связался с Бахчисарайской полевой комендатурой и назвал нужные пароли. Спросил, что следовало, у дежурного и узнал, что двумя часами раньше на участке близ Шулдана произошло вооруженное столкновение патруля с какой-то бандгруппой, что убиты несколько полицейских, а пятеро румынских солдат и унтер то ли пропали без вести, то ли ещё не объявились в своей части.

Затем Зеккер поднялся по галерее, по временной лестнице и через ещё одну, крутую, но со ступеньками галерею выбрался наверх и проинструктировал унтершарфюрера о порядке караула, включения прожекторов и пуска осветительных ракет. Основное внимание, само собой, следовало уделять восточной стороне, а также устью тропы на юг и началу просёлка в сторону Мангупа. Конечно, важнее всего было сейчас усиленное внимание гарнизона нижнего лагеря, но как знать – может, и сверху удастся что-то заметить.

Затем уже повернувшись Зеккер перебрался по неширокому мысу с остатками крепостной постройки на соседнюю гору, варварское название которой постоянно вылетало у него из памяти, и оттуда по торной тропе в быстро наползающей темноте спустился в нижний лагерь.

Всё это время доктор плёлся следом и бубнил.

...– И задумался ещё раз: что всё-таки послужило первотолчком? Почему так вцепились в это дикое, безлюдное, неудобное место? Здесь ведь на самом деле совсем не так уж безопасно, потому что ни приличный гарнизон здесь не разместишь, ни за срочной подмогой не пошлешь – далеко. А два-три десятка ловких горных разбойников перережут всех и вся...

Это уже касалось вопроса, который штурмбаннфюрер знал куда более досконально, и как раз легло на то, чем Зеккер занимался именно сейчас. И просто невольно представил себе штурмбаннфюрер на миг положение, когда нет рации, нет прожекторов, нет осветительных ракет, нет хорошей оптики и автоматического оружия, а ещё, если подступит непроглядный туман – такое в этих местах случается досадно часто... Действительно, тогда наверху не чувствовали бы себя в такой безопасности, как сейчас.

Но вспомнил и другое, и сказал:

– Место силы, которое нам указали, и источник силы, который нам – и вам, прежде всего, – поручили раскрыть, привлекли сюда арийцев, способных это почувствовать. И тысячу лет сила хранила их в окружении варварских племен.

– А потом пришла Орда, и Сила перестала хранить и своё место, и наших дальних родственников.

Это было уже сказано на вершине Пойки, и ответил Зеккер не сразу, но не только потому, что не слишком был расположен к продолжению научно-спекулятивной беседы, а потому что был занят проверкой и перераспределением караульных постов и оговаривал порядок пуска осветительных и сигнальных ракет.

Учитывая, что «наверху» караульную службу несли всего пятеро: унтершарфюрер и четверо солдат, инструктаж и проверка не заняли много времени. Но его с лихвой хватило, чтобы гауптштурмфюрер доктор Штайгер подобрался к самому краю двадцатиметрового обрыва с северной стороны и, подождав, пока Зеккер обратит на него внимание, жестом подозвал старшего офицера.

– Вот иллюстрация моих слов, – и торжественно указал на рукотворную полукруглую выемку, часть окружности, начисто срезанной примерно посередине древним обвалом.

Если наклониться, заглянуть за край, то видна вся полутораметровая выемка в скале – расширяющаяся к середине и сужающаяся на нет в конце. Почти точный разрез традиционного греческого пифоса, только каменного, выдолбленного в толще скалы. Но тоже, как оказалось, не вечного зернохранилища, или что там ещё хранили здесь в древности: край горы откололся, и теперь это выглядит как несколько странный декоративный элемент.

– Ну и что? – спросил штурмбаннфюрер.

Эту половинку зернохранилища, как принято было считать вслед за Бертье-Делагардом, уже не раз осматривали, обмеряли и фотографировали за предыдущую неделю, и конечно же днём, при хорошем освещении, и, само собой, в спокойной обстановке. Аккуратная работа, несомненно делающая честь старым мастерам.

– Мы видим выемку в скале, по форме напоминающую пифос. Эллины, а затем их преемники, действительно хранили в пифосах зерно, маслины... Ну и ещё разные съедобные разности. И говорим: вот каменное зернохранилище. А что это было на самом деле? И главное – как это сделано? В это же горлышко не пролезть!

– А как делались пифосы?

– На гончарном круге, герр штурмбаннфюрер. Снизу вверх. Так что в горлышко должно было поместиться только две руки гончара. Вот примерно как здесь, – и Штайгер приложил руки к уцелевшему полукружью.

Веснушчатые запястья с рыжим пушком легли на него точно.

– Да, забавно, – согласился Зеккер и аккуратно отвёл историка от обрыва. – Мы ещё так мало знаем о технологиях предков. Название Аненэрбе не случайно, вы же понимаете. А сейчас мне надо сойти в нижний лагерь. Вы остаётесь?

Доктор только рукой махнул – мол, какое там! – и забубнил дальше:

– В это горлышко мог пролезть только маленький ребенок. И что, скажете, вот эту неподатливую скалу долбил младенец? Лет тридцать кряду, по моим прикидкам? А потом расчленил сам себя и по кускам выбрался наружу?

– Нет, скорее это какое-то сверление... Перовые свёрла, возможно, с корундовыми резаками, рычажная система изменения глубины захвата... Германцы во все времена были великими мастерами.

Они уже подошли к развалинам укрепления, перегораживающего некогда самую удобную, хоть и неширокую, дорогу, соединяющую Пойку с соседней горой. Не внушительные развалины: три десятка скверно отесанных квадр и заметно больше, но некрупных обломков керамики разбросаны двумя кучками высотой меньше метра, а между ними – тропинка.

Доктор Штайгер наклонился, нашарил подходящий обломок и показал на ладони:

– Вот, полюбуйте. Как раз от пифоса. Зачем столько усилий, зачем грызть камень, если можно закупить сколько угодно горшков за медный грош у любого гончара? О пещерах я не говорю, хотя уверен: их тоже не долбили и не сверлили... Вот я и подумал: а Юнг, как всегда, прав. Привыкли считать: если похоже – значит, такое же, пусть и с вывертом. А на самом деле всё здесь наоборот. Не монахи делали эти пещеры, а пришли на готовенькое. И не для зерна выдули эти ямы, все пять по периметру Пойки...

У начала спуска Зеккер ещё раз приложил к глазам бинокль. Смеркалось быстро, как всегда здесь в горах, но предполагалась ясная ночь, и осенняя слегка ушербная луна уже наливалась светом. От гребня, где Зеккер увидел партизан, сюда – если они в самом деле идут сюда, с выходом на одну из дорог, огибающих Пойку, – не меньше трёх часов быстрой ходьбы без остановки. А если с учетом темноты и желательного привала, хотя бы для рекогносцировки – то и все четыре. Если же будет у них привал, то и костерок возможен...

– Это сейчас их всего пять, а могло быть куда больше. Края горы ведь откалывались не раз... – сказал штурмбаннфюрер, опуская бинокль.

Ни проблеска.

А на странный глагол «выдули» из уст доктора Штайгера не стоит обращать внимания.

– Простите, герр штурмбаннфюрер, но вы, кажется, меня не услышали. Расстояния между всеми пятью – строго одинаковые. Со скидкой на погрешность измерения. В плане – безукоризненная пентаграмма, наложенная на вершину. Вот, полюбуйтесь, – и военный археолог раскрыл планшет.

Аккуратный, «прозекторский» рисунок изображал знакомый контур уплощённой и скошенной вершины Пойки, и его расчерчивала правильная пентаграмма. «Северный» луч упирался в самый край плато, даже чуточку заходил за край обрыва, остальные замыкались на кружочках «зернохранилищ».

– Любопытно, – отметил Зеккер и пружинисто запрыгал по естественным уступам тропы в нижний лагерь.

Сопя и оскальзываясь, гауптштурмфюрер потянулся за ним.

Отстал всего на каких-то пять минут, зато практически не пришлось ждать, пока штурмбаннфюрер отдаст приказы армейскому лейтенанту, в подчинении которого находилось шесть солдат – охрана и персонал нижнего лагеря, обосновавшегося в просторном пастушьем доме, бесстыдно сложенном в каком-то затёртом веке из дворцовых или крепостных квадр, кое-где ещё украшенных полустёртым рельефом.

От ужина в нижнем лагере Зеккер отказался, но, естественно, не от ужина вообще, и пригласил Штайгера продолжить беседу наверху.

«Наверху» – это означало в штабной палатке на самой высокой точке бугристого плоскогорья, неподалеку от только что раскрытого устья осадного колодца. Добирались туда заметно дольше, чем спускались; точнее, с таким трудом и так долго взбирался Штайгер, а штурмбаннфюрер поднимался играючи и опередил доктора на добрых десять минут. Зато в штабной палатке к тому времени, когда доктор Штайгер на гудящих ногах доплелся, уже был накрыт стол, ярко горела лампочка в жестяном абажуре, и прекрасно пахло кофе, настоящим кофе, похоже что «сантосом» – весьма ценная привилегия старших офицеров СС. Да ещё Зеккер выставил на стол бутылку рома – не колониального, конечно, но как оказалось, совсем недурственного.

– Так вы полагаете, что это – не просто зернохранилища? – спросил Зеккер так, словно между его «любопытно» и этой репликой не прошло получаса.

– Полагаю, это совсем не зернохранилища, – отозвался доктор и пододвинул к себе планшет. Раскрыл и отогнул листочек, на котором красовалась пентаграмма, и показал штурмбаннфюреру следующий.

Та же Пойка, только в аксонометрической проекции. И здесь хорошо было видно, что биссектрисы лучей пентаграммы пересекаются в какой-то точке почти посреди плато, но не на поверхности, а примерно... да, на глубине десяти метров.

– Некие жертвенники это были, скорее всего... – продолжил чуть торжественно Штайгер. – Возможно, там возжигали огонь негасимый... Или бросали туда окровавленные сердца жертв.

– Красиво, – согласился штурмбаннфюрер. – А что здесь, – он указал на пересечение линий. – Вы уже выяснили?

– То, что мы в качестве рабочей версии называем осадным колодцем.

– Полагаю, это и в самом деле осадный колодец, – усмехнулся штурмбаннфюрер. – В крепостях всегда предусматривался защищенный источник воды.

– Ах, одно другому могло и не мешать. Кстати, до глубины почти в двенадцать метров мы уже всё расчистили.

– Вы там уже побывали? – спросил Зеккер, который не следил, чем там занят доктор, предыдущие три часа.

– Да. Завтра сами посмотрите. Но если хотите – можно и сейчас, подтянем прожектор...

Сквозь верхнее окошко штабной палатки резким синим пламенем втекал лунный свет. Тяжёлое серебряное кольцо, украшенное рунами, свастикой и мёртвой головой, будто ожило на пальце штурмбаннфюрера.

Повинуясь смутной догадке, Зеккер протянул, поднимаясь из-за стола:

– Зачем же прожектор? Сегодня особенная луна и особенная ночь...

– Вы имеете в виду – ночь осеннего равноденствия? – закивал гауптштурмфюрер, выбираясь из палатки. – Но указаний на то, что готы как-то по-особенному воспринимали этот день, не слишком много. Вот японцы... Хотя, впрочем, весьма в этом направлении характерен зороастрийский Иран, со своей «битвой быка и тигра», – а это прямая связь с арийцами...

...Карл Зеккер остановился у самого края осадного колодца, огороженного натянутыми шпагатами. Прямоугольная грузовая платформа, подтянутая к самой стреле лебёдки (с её помощью вытаскивали квадры и бут, которыми была забросана шахта), отбрасывала странную тень на уходящую вглубь неровную каменную поверхность. Колодец под небольшим углом уходил в глубь горы, к ещё не раскрытой водной жиле, и лунный резкий свет достигал как минимум десятиметровой глубины. И там, на самом низу освещённой части, неровная внутренняя поверхность колодца казалась ещё более неровной.

– Действительно, я как-то упустил, что наклон шахты может быть связан с ориентировкой на Луну... – проговорил доктор Штайгер, опускаясь на корточки. – Преклоняюсь перед вашей интуицией, герр штурмбаннфюрер.

А орденский перстень, знак отличия, вручённый за верную службу, просто сиял участками полированного серебра и темнел чернью; будто тянул к чему-то, скрытому там, в глубине.

К чему-то, чье притяжение почувствовал и сам Зеккер.

– Вам не кажется, гауптштурмфюрер, что это неспроста? – поинтересовался он, подходя к краю верёвочной лестницы.

Внезапно показалось, что тёплая куртка сейчас – излишнее. Зеккер её сбросил, совсем не переживая, что лощёный чёрный китель неизбежно запачкается.

Естественно, ничего не сказал старшему по званию и доктор Штайгер. Только отметил про себя, как по-особенному засверкали на чёрном фоне, под резким лунным светом, погон, нашивки и знаки на эсэсовском мундире.

Чуть более напряжённо застучал дизель, и зажглись оба прожектора. Двадцать два ноль-ноль.

«В Иране сейчас полночь», – промелькнуло у Карла Зеккера, когда он сошёл на пятую ступеньку лестницы.

Вниз, вниз, вниз... Проверив ногой устойчивость камней на дне шахты колодца, Зеккер встал на квадр и огляделся.

Голова находилась как раз на уровне шербогатого полукружия лунного света. Блики и тени выстраивались в причудливый узор.

Причудливый? Вот руна силы, руна зиг, руна огня...

И как будто контур руки... Левой... И стрелки... Поворот руки... Поворот судьбы...

Зеккер приложил левую ладонь к контуру. Перстень, как по заказу, лёг в выемку.

«Теперь по стрелкам»... – приказал себе штурмбаннфюрер, одновременно веря и не веря в реальность происходящего.

Нажать, повернуть, нажать...

Камень подался. Чуть-чуть. Образовалась щель, как раз достаточная, чтобы просунуть в неё лезвие кинжала.

– Что там? – крикнул Штайгер сверху.

– Полагаю, это... – начал Зеккер, просовывая лезвие в щель, откуда будто исходило свечение.

И не закончил. Наверху прогрохотала пулемётная очередь, и тут ж доктор Штайгер с каким-то удивлённым всхлипом исчез.

Карл Зеккер выдернул из щели кинжал, своё единственное оружие (пистолет остался наверху, в куртке) и схватился за верёвочную лестницу.

Он уже не слышал, как за спиной раздался слабый скрип – камень лёг на место, – поскольку ещё и ещё раз прогремели короткие очереди, а затем и лай МП-40, и разрыв гранаты.

Штурмбаннфюрер уже добрался до самого верха лестницы, когда сияющий лунный диск закрыла чёрная тень.

Невысокий, совсем невысокий, даже при взгляде снизу вверх, парнишка с ППШ в руках.

Зеккер взмахнул рукой с кинжалом, но бросить не успел. Дульный срез автомата полыхнул огнём, в грудь тяжко ударило – и штурмбаннфюрер СС, верный адепт учения Виллигута, уплыл на вечное свидание с источником силы, так им и не раскрытым.

...А знаешь, что удивительно? Ни я, ни кто-то другой так и не смогли понять, почему всё у тебя так получается правильно, будто никак иначе и быть не может. Когда это всё к тебе пришло, и как... Родился, наверное, ты с этим, хотя и повторяют, что солдатами не рождаются.

И вот что странно: ты как-то ни разу толком не рассказал о том, что было с тобою до лета сорок первого, когда ты оказался в отряде...

Не отступать и не сдаваться

– Вы знакомы с высказыванием доктора Юнга, герр штурмбаннфюрер? – внезапно спросил гауптштурмфюрер Штайгер, присаживаясь на каменную ступенечку при входе в пещерную часовню.

Так по крайней мере принято было называть эту рукотворную пещеру со сводчатым потолком на восточном склоне Пойки.

– Вы о каком-то конкретном высказывании, я полагаю, – отозвался штурмбаннфюрер СС Карл Зеккер, не вынимая мундштука изо рта.

О том, что это старший офицер СС, на первый взгляд трудно было догадаться: мешковатая куртка на искусственном меху, похожая на флотскую, но тёмно-коричневая, стёганые брюки, суконный картуз без кокарды. Под курткой, правда, был форменный китель со всеми положенными регалиями и офицерским Железным крестом, но Зеккер куртку не расстёгивал.

– Естественно, – улыбнулся доктор Штайгер, об офицерском звании которого вообще ничто не напоминало ни в тёплой, как раз для этого небывало холодного в этом году конца сентября, подходящей для гор и пещер одежде, ни в выправке.

Ассистент кафедры истории Боннского университета (одного из самых уважаемых в Германии центров университетской науки) уже пятый год плодотворно сотрудничал с Аненэрбе, причислен к СС-ваффен и получил вполне солидное воинское звание, пользовался авторитетом в кругах специалистов, но ничуть не избавился от гражданской расхлябанности. Руководителю поисковой группы Зеккеру только и удалось добиться от Юргена Штайгера неукоснительного уставного обращения и ежедневного тщательного заполнения поисковых журналов.

– Если быть точным, то даже не одно высказывание, – продолжил научный руководитель поисковой группы, – а тезис о том, что человек не способен увидеть то, что существует в действительности, но никак не присутствует в его представлении. Отсюда истинное творчество – увидеть большее, чем устойчивый стереотип, и тем самым ввести это в стереотипы.

– О, да, в несколько иных выражениях, но я это слышал, – согласился штурмбаннфюрер.

Аккуратно потушил сигарету, спрятал мундштук в нагрудный карман куртки и поднёс к глазам бинокль.

Вновь и вновь вглядывался он в ту сторону, где располагалась невидимая отсюда, закрытая низкой грядой кустов, но недалёная Иосафатова долина.

То ли показалось, то ли в самом деле дважды замечал он лёгкий дымок, который струился совсем не там, где ему и положено быть – не над татарскими сёлами, азимут на которые он

определял мгновенно и безошибочно, – а ещё однажды донесся откуда-то оттуда, из невидимой долины, отзвук недолгой стрельбы. И хотя сейчас, в конце сентября 1943 года, выстрелы, увы, то и дело ещё раздавались в Крыму, нечто настораживало. То, например, что раздалось они со стороны Иосафатовой долины, доселе полностью подконтрольной частям самообороны и румынам, и что стреляли там не из винтовок и даже не из «шмайссеров», в небольшом количестве находившихся и у румын, и даже у татар, а из русских автоматов.

Но сейчас ничего подозрительного не было видно и не было слышно.

– И к чему вы это вспомнили, герр гауптштурмфюрер? – спросил Зеккер, прикидывая, как следует изменить расположение часовых, чтобы чётче контролировать восточный сектор. И о чём надо запросить комендатуру во время радиосеанса, который должен состояться через полтора часа... Хотя можно связаться и раньше.

– Капитанство Готия... Горная Готия... – начал господин доктор, уминаясь поудобнее и вылавливая баночку леденцов: они ему служили не то заменой сигарет, не то защитой от табачного дыма. – Южный форпост арийской расы среди варварских племён...

Штурмбаннфюрер покосился на него, но не счёл нужным что-то говорить в ответ на трюизмы.

– Создали города, крепости, храмы и даже существенно облагородили породу аборигенов – вы, видимо, обращали внимание на черты лиц и осанку местных...

Штурмбаннфюрер хмыкнул и чуть пожал плечами; при желании это можно было истолковать как угодно.

– И как-то никто не потрудился спросить: а почему именно здесь?

– Здесь – вы что имеете в виду? Крым? Лучшая, кстати, его часть? – на этот раз отозвался Зеккер.

– Нет, почему их центр был именно Пойка?

– Естественная твердыня, практически неприступная, – с некоторой долей досады ответил штурмбаннфюрер, не расположенный, что вполне характерно для воспитанников ордена, к пустой болтовне.

– Да, конечно, только вот находится «глубокоуважаемая Пойка» на таком отшибе, что до неё и добраться никто почти не мог, и по размерам – ну, кто здесь мог спрятаться? Понятно, располагался небольшой монастырь, да дворец епископа размером с бюргерский домик – хотя Иоанн Готский сей край не особо жаловал, – а вот для гарнизона и места нет. Но тысячу лет подряд сюда приходили люди, жили, умирали... Хотя хоронили их преимущественно внизу.

– Да-да, – отозвался Зеккер, не отрываясь от бинокля. – Священное, почитаемое место... Вот теперь он увидал...

Заметил отчётливо: на гребне, чуть выше полосы тени, отбрасываемой в сей предзакатный час сутулой громадой Пойки, промелькнули пять... или шесть фигурок... вооружённые... и одетые как попало... Перевалили гребень и скрылись в лесу.

– А чтобы молиться, выдолбили вот такие храмы и часовни в твёрдом и вязком известняке, очень-очень неподатливом, – обрадованно подхватил беспечный доктор Штайгер.

Впрочем, не столько, пожалуй, беспечный, сколько приученный, что за плечами настоящих солдат ордена не то чтобы опасаться, но и особо задумываться об опасности не следует.

– Очевидно, так, – кивнул штурмбаннфюрер, поднимаясь. – Подробнее поговорим в другой раз. Надо подготовиться к приёму гостей.

– К нам сюда идут гости? – поднял брови над круглыми очками Штайгер. – Кто же?

– Не уверен, что к нам, и полагаю, что не сюда, но мимо нас вряд ли проберутся.

Карл Зеккер знал, что говорил. Впрочем, можно и наоборот: говорил, что знал.

Массив Пойки можно было обойти с юга и с севера, соответственно по тропе по направлению к Большому каньону и по «улучшенной» грунтовке – в сторону Мангуп-кале. И тропа, и грунтовка проходили недалеко от нижнего лагеря и отлично простреливались сверху: и с

этой «часовни», и с галереи, и с нескольких мест на плоской вершине. Так что действительно «мимо вряд ли проберутся», даже под покровом темноты, – если, конечно, принять соответствующие меры.

А насчет того, куда направляются эти пять-шесть... но может, что и больше, – партизан, то здесь стоило весьма усомниться, что идут они именно на Пойку. Для них здесь ничего нет – разве что возможность временного укрытия, полагая это место безлюдным, – поскольку о поисковой группе Аненэрбе, направленной сюда по инициативе Вольфрама Зиверса и согласно личному приказу рейхсфюрера, знать они попросту не могут.

Вот вдоль каньона, на юг – туда, где в большом горно-лесном массиве, кочуя от Ай-Петринской до Бабуган-Яйлы и обратно, торчит как кость в горле партизанский отряд, а может, и не один, допускают, что целое соединение, – они направляться могут.

Или на север, туда, где за Мангупом начинается Особый севастопольский укрепрайон, а там и железная дорога, и шоссе, и кабеля связи...

Рация располагалась здесь же, рядом с часовней, в гроте-комнатке неопределённого пока что назначения в начале крытой части галереи; антенну закрепили наверху, к дереву на краю плоской вершины, – так обеспечивалась круговая связь, хотя слышимость в южном направлении оставляла желать лучшего: всё-таки Главная гряда была выше.

Сначала Зеккер надиктовал, а радист отправил три радиограммы – в Севастополь, Дуванкой и Бахчисарай; теперь можно было надеяться, что северный обход будут охранять строже.

Затем штурмбаннфюрер сам надел наушники, связался с Бахчисарайской полевой комендатурой и назвал нужные пароли. Спросил, что следовало, у дежурного и узнал, что двумя часами раньше на участке близ Шулдана произошло вооруженное столкновение патруля с какой-то бандгруппой, что убиты несколько полицейских, а пятеро румынских солдат и унтер то ли пропали без вести, то ли ещё не объявились в своей части.

Затем Зеккер поднялся по галерее, по временной лестнице и через ещё одну, крутую, но со ступеньками галерею выбрался наверх и проинструктировал унтершарфюрера о порядке караула, включения прожекторов и пуска осветительных ракет. Основное внимание, само собой, следовало уделять восточной стороне, а также устью тропы на юг и началу просёлка в сторону Мангупа. Конечно, важнее всего было сейчас усиленное внимание гарнизона нижнего лагеря, но как знать – может, и сверху удастся что-то заметить.

Затем уже повернувшись Зеккер перебрался по неширокому мысу с остатками крепостной постройки на соседнюю гору, варварское название которой постоянно вылетало у него из памяти, и оттуда по торной тропе в быстро наползающей темноте спустился в нижний лагерь.

Всё это время доктор плёлся следом и бубнил.

...– И задумался ещё раз: что всё-таки послужило первотолчком? Почему так вцепились в это дикое, безлюдное, неудобное место? Здесь ведь на самом деле совсем не так уж безопасно, потому что ни приличный гарнизон здесь не разместишь, ни за срочной подмогой не пошлешь – далеко. А два-три десятка ловких горных разбойников перережут всех и вся...

Это уже касалось вопроса, который штурмбаннфюрер знал куда более досконально, и как раз легло на то, чем Зеккер занимался именно сейчас. И просто невольно представил себе штурмбаннфюрер на миг положение, когда нет рации, нет прожекторов, нет осветительных ракет, нет хорошей оптики и автоматического оружия, а ещё, если подступит непроглядный туман – такое в этих местах случается досадно часто... Действительно, тогда наверху не чувствовали бы себя в такой безопасности, как сейчас.

Но вспомнил и другое, и сказал:

– Место силы, которое нам указали, и источник силы, который нам – и вам, прежде всего, – поручили раскрыть, привлекли сюда арийцев, способных это почувствовать. И тысячу лет сила хранила их в окружении варварских племен.

– А потом пришла Орда, и Сила перестала хранить и сиё место, и наших дальних родственников.

Это было уже сказано на вершине Пойки, и ответил Зеккер не сразу, но не только потому, что не слишком был расположен к продолжению научно-спекулятивной беседы, а потому что был занят проверкой и перераспределением караульных постов и оговаривал порядок пуска осветительных и сигнальных ракет.

Учитывая, что «наверху» караульную службу несли всего пятеро: унтершарфюрер и четверо солдат, инструктаж и проверка не заняли много времени. Но его с лихвой хватило, чтобы гауптштурмфюрер доктор Штайгер подобрался к самому краю двадцатиметрового обрыва с северной стороны и, подождав, пока Зеккер обратит на него внимание, жестом подозвал старшего офицера.

– Вот иллюстрация моих слов, – и торжественно указал на рукотворную полукруглую выемку, часть окружности, начисто срезанной примерно посередине древним обвалом.

Если наклониться, заглянуть за край, то видна вся полутораметровая выемка в скале – расширяющаяся к середине и сужающаяся на нет в конце. Почти точный разрез традиционного греческого пифоса, только каменного, выдолбленного в толще скалы. Но тоже, как оказалось, не вечного зернохранилища, или что там ещё хранили здесь в древности: край горы откололся, и теперь это выглядит как несколько странный декоративный элемент.

– Ну и что? – спросил штурмбаннфюрер.

Эту половинку зернохранилища, как принято было считать вслед за Бертье-Делагардом, уже не раз осматривали, обмеряли и фотографировали за предыдущую неделю, и конечно же днём, при хорошем освещении, и, само собой, в спокойной обстановке. Аккуратная работа, несомненно делающая честь старым мастерам.

– Мы видим выемку в скале, по форме напоминающую пифос. Эллины, а затем их преемники, действительно хранили в пифосах зерно, маслины... Ну и ещё разные съедобные разновидности. И говорим: вот каменное зернохранилище. А что это было на самом деле? И главное – как это сделано? В это же горлышко не пролезть!

– А как делались пифосы?

– На гончарном круге, герр штурмбаннфюрер. Снизу вверх. Так что в горлышко должно было поместиться только две руки гончара. Вот примерно как здесь, – и Штайгер приложил руки к уцелевшему полукружью.

Веснучатые запястья с рыжим пушком легли на него точно.

– Да, забавно, – согласился Зеккер и аккуратно отвёл историка от обрыва. – Мы ещё так мало знаем о технологиях предков. Название Аненэрбе не случайно, вы же понимаете. А сейчас мне надо сойти в нижний лагерь. Вы остаётесь?

Доктор только рукой махнул – мол, какое там! – и забубнил дальше:

– В это горлышко мог пролезть только маленький ребенок. И что, скажете, вот эту неподатливую скалу долбил младенец? Лет тридцать кряду, по моим прикидкам? А потом расчленил сам себя и по кускам выбрался наружу?

– Нет, скорее это какое-то сверление... Перовые свёрла, возможно, с корундовыми резаками, рычажная система изменения глубины захвата... Германцы во все времена были великими мастерами.

Они уже подошли к развалинам укрепления, перегораживающего некогда самую удобную, хоть и неширокую, дорогу, соединяющую Пойку с соседней горой. Не внушительные развалины: три десятка скверно отесанных квадр и заметно больше, но некрупных обломков керамики разбросаны двумя кучками высотой меньше метра, а между ними – тропинка.

Доктор Штайгер наклонился, нашарил подходящий обломок и показал на ладони:

– Вот, полюбуйте. Как раз от пифоса. Зачем столько усилий, зачем грызть камень, если можно накопить сколько угодно горшков за медный грош у любого гончара? О пещерах я не

говорю, хотя уверен: их тоже не долбили и не сверлили... Вот я и подумал: а Юнг, как всегда, прав. Привыкли считать: если похоже – значит, такое же, пусть и с вывертом. А на самом деле всё здесь наоборот. Не монахи делали эти пещеры, а пришли на готовенькое. И не для зерна выдули эти ямы, все пять по периметру Пойки...

У начала спуска Зеккер ещё раз приложил к глазам бинокль. Смеркалось быстро, как всегда здесь в горах, но предполагалась ясная ночь, и осенняя слегка ущербная луна уже наливалась светом. От гребня, где Зеккер увидел партизан, сюда – если они в самом деле идут сюда, с выходом на одну из дорог, огибающих Пойку, – не меньше трёх часов быстрой ходьбы без остановки. А если с учетом темноты и желательного привала, хотя бы для рекогносцировки – то и все четыре. Если же будет у них привал, то и костерок возможен...

– Это сейчас их всего пять, а могло быть куда больше. Края горы ведь откалывались не раз... – сказал штурмбаннфюрер, опуская бинокль.

Ни проблеска.

А на странный глагол «выдули» из уст доктора Штайгера не стоит обращать внимания.

– Простите, герр штурмбаннфюрер, но вы, кажется, меня не услышали. Расстояния между всеми пятью – строго одинаковые. Со скидкой на погрешность измерения. В плане – безукоризненная пентаграмма, наложенная на вершину. Вот, полюбуйте, – и военный археолог раскрыл планшет.

Аккуратный, «прозекторский» рисунок изображал знакомый контур уплощённой и скошенной вершины Пойки, и его расчерчивала правильная пентаграмма. «Северный» луч упирался в самый край плато, даже чуточку заходил за край обрыва, остальные замыкались на кружочках «зернохранилищ».

– Любопытно, – отметил Зеккер и пружинисто запрыгал по естественным уступам тропы в нижний лагерь.

Сопя и оскальзываясь, гауптштурмфюрер потянулся за ним.

Отстал всего на каких-то пять минут, зато практически не пришлось ждать, пока штурмбаннфюрер отдаст приказы армейскому лейтенанту, в подчинении которого находилось шесть солдат – охрана и персонал нижнего лагеря, обосновавшегося в просторном пастушьем доме, бесстыдно сложенном в каком-то затёртом веке из дворцовых или крепостных квадр, кое-где ещё украшенных полустёртым рельефом.

От ужина в нижнем лагере Зеккер отказался, но, естественно, не от ужина вообще, и пригласил Штайгера продолжить беседу наверху.

«Наверху» – это означало в штабной палатке на самой высокой точке бугристого плоскогорья, неподалеку от только что раскрытого устья осадного колодца. Добирались туда заметно дольше, чем спускались; точнее, с таким трудом и так долго взбирался Штайгер, а штурмбаннфюрер поднимался играючи и опередил доктора на добрых десять минут. Зато в штабной палатке к тому времени, когда доктор Штайгер на гудящих ногах доплелся, уже был накрыт стол, ярко горела лампочка в жестяном абажуре, и прекрасно пахло кофе, настоящим кофе, похоже что «сантосом» – весьма ценная привилегия старших офицеров СС. Да ещё Зеккер выставил на стол бутылку рома – не колониального, конечно, но как оказалось, совсем недурственного.

– Так вы полагаете, что это – не просто зернохранилища? – спросил Зеккер так, словно между его «любопытно» и этой репликой не прошло получаса.

– Полагаю, это совсем не зернохранилища, – отозвался доктор и пододвинул к себе планшет. Раскрыл и отогнул листочек, на котором красовалась пентаграмма, и показал штурмбаннфюреру следующий.

Та же Пойка, только в аксонометрической проекции. И здесь хорошо было видно, что биссектрисы лучей пентаграммы пересекаются в какой-то точке почти посреди плато, но не на поверхности, а примерно... да, на глубине десяти метров.

– Некие жертвенники это были, скорее всего... – продолжил чуть торжественно Штайнер. – Возможно, там возжигали огонь негасимый... Или бросали туда окровавленные сердца жертв.

– Красиво, – согласился штурмбаннфюрер. – А что здесь, – он указал на пересечение линий. – Вы уже выяснили?

– То, что мы в качестве рабочей версии называем осадным колодцем.

– Полагаю, это и в самом деле осадный колодец, – усмехнулся штурмбаннфюрер. – В крепостях всегда предусматривался защищенный источник воды.

– Ах, одно другому могло и не мешать. Кстати, до глубины почти в двенадцать метров мы уже всё расчистили.

– Вы там уже побывали? – спросил Зеккер, который не следил, чем там занят доктор, предыдущие три часа.

– Да. Завтра сами посмотрите. Но если хотите – можно и сейчас, подтянем прожектор...

Сквозь верхнее окошко штабной палатки резким синим пламенем втекал лунный свет. Тяжёлое серебряное кольцо, украшенное рунами, свастикой и мёртвой головой, будто ожило на пальце штурмбаннфюрера.

Повинуясь смутной догадке, Зеккер протянул, поднимаясь из-за стола:

– Зачем же прожектор? Сегодня особенная луна и особенная ночь...

– Вы имеете в виду – ночь осеннего равноденствия? – закивал гауптштурмфюрер, выбираясь из палатки. – Но указаний на то, что готы как-то по-особенному воспринимали этот день, не слишком много. Вот японцы... Хотя, впрочем, весьма в этом направлении характерен зороастрийский Иран, со своей «битвой быка и тигра», – а это прямая связь с арийцами...

...Карл Зеккер остановился у самого края осадного колодца, огороженного натянутыми шпагатами. Прямоугольная грузовая платформа, подтянутая к самой стреле лебёдки (с её помощью вытаскивали квадры и бут, которыми была забросана шахта), отбрасывала странную тень на уходящую вглубь неровную каменную поверхность. Колодец под небольшим углом уходил в глубь горы, к ещё не раскрытой водной жиле, и лунный резкий свет достигал как минимум десятиметровой глубины. И там, на самом низу освещённой части, неровная внутренняя поверхность колодца казалась ещё более неровной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.